

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт истории и международных отношений

Кафедра востоковедения

Магистерская диссертация

**Синьцзянский производственно-строительный корпус в англоязычной
историографии**

Выполнила:
магистрант гр.187-1м ИИиМО
Д.В. Бурдачева

Научный руководитель:
к.и.н., доцент Д.А. Глазунов

Выпускная квалификационная
работа защищена

«___» _____ 2020 г.

Оценка _____

Допустить к защите:
Заведующая кафедрой,
д.и.н., профессор Ю.А. Лысенко

«___» _____ 2020 г.

Председатель ГЭК:
д.и.н., проф. В.А. Бармин

Содержание

Введение	3
ГЛАВА I. Изучение Синьцзянского производственно-строительного корпуса англоязычными исследователями в середине XX – начале XXI в.	12
1.1. Организация исследовательской работы и центры изучения Синьцзяна	12
1.2. Источниковая база исследований Синьцзяна	18
1.3. Основные теоретико-методологические подходы	22
ГЛАВА II. Проблемы и концепции функционирования Синьцзянского производственно-строительного корпуса в англоязычной историографии	25
2.1. Создание и развитие СПСК в англоязычной историографии (1954-1975 гг.)	25
2.2. Возрождение и деятельность СПСК в пореформенный период в англоязычной историографии (1981 г. – по н.в.)	53
Заключение	79
Библиографический список	82

Введение

Поскольку Синьцзянский производственный-строительный корпус (далее - СПСК, ПСК, Корпус, Бинтуань) в Китайской Народной Республике является военизированной производственно-строительной организацией, иностранным исследователям на протяжении многих лет весьма проблематично собирать и анализировать данные о нем. Поэтому лишь немногим из них удалось исследовать непосредственно сам Корпус. К тому же, в исследовательских кругах бытует мнение, что большинство зарубежных теоретических исследований Корпуса слишком политизированы и субъективны, так как большинство опубликованных научных материалов на английском языке освещают деятельность СПСК через призму политики КНР по «китаизации» обширных западных земель, притеснения уйгуров и других национальных меньшинств, проблем этнических конфликтов, сепаратизма и «уйгурского терроризма» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (СУАР, другое историческое название – Восточный Туркестан). И только немногие из них представляют собой комплексные исследования СПСК, как хотя и готовой в любой момент примкнуть к частям Народно-освободительной армии Китая (НОАК) военизированной организации, но также мощного современного производственно-строительного комплекса, осуществляющего масштабные проекты по строительству транспортных магистралей, промышленных объектов различной специализации, по мелиорации агропромышленных районов и прочих проектов, направленных на освоение северо-запада Китая. Слабая изученность представленных в англоязычной историографии концепций социально-экономической роли Синьцзянского производственно-строительного корпуса определяет актуальность темы данного исследования.

Объектом данного исследования является изучение СПСК в англоязычной историографии. **Предметом** исследования, соответственно, Синьцзянский производственно-строительный корпус с точки зрения

комплексности выполняемых им в СУАР функций.

Степень изученности проблемы. В первую очередь нужно отметить, что в порядке самостоятельных исследований функции, роль, эффективность выполнения поставленных перед СПСК задач англоязычными исследователями рассматриваются редко. В большинстве опубликованных научных материалов англоязычных авторов СПСК рассматривается в контексте межэтнических конфликтов в Синьцзяне. То есть чаще всего в них оговаривается политика центральной власти КНР по «китаизации» обширных западных земель, проблемы сепаратизма, экстремизма и терроризма, с которыми сталкивается КНР в лице уйгурских и других национальных меньшинств, населяющих территорию СУАР.

Тем не менее существует ряд работ англоязычных исследователей, демонстрирующих даже в контексте изучения Синьцзяна комплексный подход к изучению СПСК и сравнительно низкий градус субъективизма. Среди этих работ стоит отметить такие труды англоязычных авторов, как работу Дональда МакМиллена «Xinjiang and the production and construction corps: a Han organisation in a non-Han region»¹, опубликованную в 1981 году в журнале «The Australian Journal of Chinese Affairs» Австралийского Национального Университета, монографию Майкла Диллона «Xinjiang - China's Muslim Far Northwest»², вышедшую в 2004 году, работу Томаса Клиффа «Neo Oasis: The Xinjiang Bingtuan in the Twenty-first Century»³ 2009 года, монографию Майкла .Е. Кларка «Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history»⁴, опубликованную в 2011 году на базе Griffith Asia Institute, Griffith University, Австралия, а также англоязычную публикацию «Xinjiang

¹ McMillen, D.H. Xinjiang and the production and construction corps: a Han organization in a non-Han region [Электронный ресурс] // The Australian National University: The Australian Journal of Chinese Affairs. 1981. №6. URL: <http://www.jstor.org/stable/2159052> (дата обращения: 27.04.2020)

² Dillon, M. Xinjiang - China's Muslim Far Northwest. // L. Routledge Curzon. 2004. 201 p.

³ Cliff, T.M.J. Neo Oasis: The Xinjiang Bingtuan in the Twenty-first Century // Asian Studies Review. 2009. Vol.33. P. 83-106.

⁴ Clarke, M.E. Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history [Электронный ресурс] / Griffith Asia Institute, Griffith University. 2011. 201 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28729150> (дата обращения: 02.03.2020)

in the Nineties» французского исследователя Николаса Беквелина ⁵, опубликованную в журнале: «The China Journal» в 2000 году, и некоторые другие. Все эти работы объединяет комплексный нетривиальный подход к исследованию ситуации в СУАР, довольно подробно рассматривается трансформация функций СПСК в эпоху реформ и в пореформенный период, а также социально-экономические результаты деятельности Корпуса.

Именно комплексный характер исследуемой проблемы потребовал также изучения трудов российских и китайских авторов в широком контексте, так или иначе связанным с процессами в СУАР. Здесь хочется отметить работы, анализирующие проблемы социально-экономического развития Синьцзяна (В.А. Островский ⁶, Л.И. Кондрашова, М.В. Александрова⁷), демографии и национальной стабильности в регионе (Е.С. Баженова⁸), внутренней политики КНР в СУАР и анализа интеграционных процессов в Центральной Азии (К.Л. Сыроежкин⁹), истории Синьцзяна (О.В. Зотов¹⁰).

Крайне важным для понимания степени изученности СПСК в англоязычной историографии явилось сопоставление с представлениями о функции и роли СПСК в СУАР, представленными в работах китайских исследователей. Особенно полезной оказалась работа Яцзюнь Бао¹¹, т.к. в ней довольно полно предоставлена информация об истории СПСК, его структуре и организации, а также взгляд автора, как инсайдера, на вопросы

⁵ Vesquelin, N. Xinjiang in the Nineties // The China Journal. 2000. №. 44. P. 65-90.

⁶ Островский, А.В. (совм. с Е.С. Баженовой) Синьцзян от Турфана до Кашгара. Программа освоения западных районов в действии // Проблемы Дальнего Востока. М., 2006. №2. С. 89-99.

⁷ Александрова, М.В. Китай и Россия, особенности регионального экономического взаимоотношения в период реформ. / М.В. Александрова / М., Ин-т Дал. Востока РАН. - 2003. С. 179.

⁸ Баженова, Е.С. (совм. с Л.И. Кондрашовой) Социально-экономические и демографические аспекты освоения западных районов Китая на примере Синьцзяна // Китайская Народная Республика в 2002 г. М., - 2003. С. 116-126.

⁹ Сыроежкин, К.Л. Что скрывается за аббревиатурой ПСК? // Континент. 2002. №11. С. 32–35.

¹⁰ Зотов, О.В. Восточный Туркестан (Синьцзян) – страна «латентного ислама» // Институт научной информации по общественным наукам РАН: Россия и мусульманский мир. М., – 2006. С. 153-165. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9235936>

¹¹ Яцзюнь Бао. The Xinjiang Production and Construction Corps: An Insider's Perspective (Синьцзянский производственно-строительный корпус: Взгляд изнутри). 2018. №23. С. 2-16.

взаимоотношений Корпуса и Синьцзянского автономного района, стратегию реформ и роли центрального правительства в вопросах функционирования Корпуса.

Комплексное изучение перечисленных материалов, в сумме с прочими источниками и литературой по теме исследования, дает возможность резюмировать о слабой изученности вопросов деятельности СПСК в англоязычной историографии, о превалировании однобокого взгляда англоязычных исследователей на ситуацию в регионе, за исключением нескольких упомянутых выше комплексных нетривиальных трудов, которые могут составить достойную базу для последующих исследований деятельности СПСК в СУАР.

Цель данной работы: проанализировать представления о деятельности Синьцзянского производственно-строительного корпуса в СУАР в англоязычной историографии, проследить эволюцию данных представлений и оценить степень их объективности/субъективности.

Основываясь на поставленной цели, решаются следующие **задачи**:

- Изучить организацию исследовательской работы англоязычных исследователей Синьцзяна и СПСК;
- Отобрать и проанализировать англоязычные публикации, посвященные изучению Корпуса;
- Рассмотреть эволюцию представлений англоязычных исследователей о СПСК в рамках периода его существования;
- Провести оценку степени объективности/субъективности англоязычных публикаций по данной тематике.

Хронологические рамки исследования представляют собой период с 1954 г. по настоящее время. Нижняя хронологическая граница обусловлена решением КПК в Синьцзяне 5 декабря 1954 года о создании СПСК на базе реорганизованных сил НОАК. Верхней хронологической границей служит нынешнее время, поскольку Корпус продолжает эффективно функционировать на настоящий момент.

Территориально рамки исследования совпадают с территорией современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Методологическую основу диссертационного исследования составили методы исторического, политического, компаративистского, системного анализа, позволяющие рассмотреть предмет исследования с разных сторон и выявить слабые места исследования представленной темы в англоязычной историографии.

Метод исторического анализа (историко-генетический метод), автором которого считается известный историк и философ истории Ф. Майнеке (1862–1954 гг.), позволил рассмотреть путь развития СПСК, изменений его организационной структуры, определить назначение и задачи, возлагаемые на Корпус центральным правительством КНР в разные периоды его деятельности. Модернизационная концепция китайской государственности, выдвинутая исследователями Лин Чэнь и Б. Нотоном, также нашла применение в данном исследовании в части анализа политических и экономических факторов, повлиявших на логику преобразований СПСК в последовавший за Культурной революцией в КНР период «Политики реформ и открытости» (нач. в 1978-79 гг.), а также факторов, внесших коррективы в деятельность Корпуса в пореформенный период.

Методы политического, компаративистского и системного анализа позволили выявить концептуальную разницу во взглядах англоязычных исследователей, с одной стороны, и китайских, с другой стороны, на вопросы деятельности СПСК в СУАР. А анализ общенаучных и специализированных работ российских исследователей, в свою очередь, позволил в рамках системного анализа более комплексно взглянуть на ситуацию в СУАР в целом.

Также методика данного исследования включает в себя изучение статистических данных, позволяющих оценить общий экономический эффект от деятельности СПСК в регионе. Опыт исследования истории КНР, конечно, говорит о том, что центральная власть часто злоупотребляла

корректировками статистических показателей. Тем не менее, анализ имеющейся экономической статистически позволяет так или иначе более достоверно оценить качественные и количественные показатели результатов деятельности СПСК в регионе.

Источниковая база. При написании данной работы использовались источники, которые условно можно разделить на 3 группы: работы англоязычных исследователей Синьцзяна и СПСК; законодательные акты и постановления КНР и нормативно-правовые акты СУАР, сборники статистических данных КНР и СУАР, материалы официальных изданий; материалы информационных агентств и периодических изданий.

В исследовании данной темы основной группой источников, согласно цели и задач исследования, являются публикации западных исследователей на английском языке. Именно данная группа источников позволяет оценить состояние проблемы исследования, проследить ход ее развития и решить определенные для исследования задачи.

Остальные две группы источников в совокупности с литературой составляют вспомогательную информационную базу исследования, так как каждая по-своему раскрывают отдельные, но взаимосвязанные и взаимозависимые стороны деятельности СПСК в СУАР, позволяя тем самым провести всесторонний анализ исследуемой проблемы.

Речь идет о том, что на базе законодательных и нормативно-правовых актов КНР и СУАР произошло осмысление организационных, структурных и правовых аспектов создания и деятельности СПСК, а также оценка правового положения религиозных организаций и национальных меньшинств в регионе. В частности, для анализа национальной и религиозной политики, проводимой центральным правительством в СУАР, автором исследовались Конституция Китайской Народной Республики 1982 года¹² (глава III, параграф 6 – «Органы самоуправления национальных автономных районов»),

¹² Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (《中華人民共和國憲法》, 1982年12月4日) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm

Закон КНР о районной национальной автономии 1984 года¹³, «Положения о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР» 1994 года¹⁴, а также «Временное Постановление об управлении местами отправления религиозной деятельности в СУАР» 1988 года, «Правила регулирования религиозной деятельности» 2004 года, «Правила СУАР относительно управления религиозными делами» 1994 года, в виде комментариев к указанным нормативно-правовым актам, изложенных в работах Д.В. Буярова.

Материалы официальных изданий, в частности публикуемых на регулярной основе «Белых книг» об истории СУАР и СПСК¹⁵, расширили возможности для анализа процесса исторического развития Корпуса, его назначения, выполняемых задач и его социально-экономической роли в регионе. Эта группа источников, в том числе, разъясняет официальную позицию руководства страны на разные аспекты исследуемой проблемы.

Проанализировать насколько верны выводы о приносимом Корпусом экономическом и социальном эффекте позволили данные статистических ежегодников КНР и СУАР¹⁶. Материалы статистических таблиц ежегодников содержат данные национального экономического учета, демографические показатели и данные о занятости, промышленные, финансовые показатели и

¹³ Закон КНР о районной национальной автономии 1984 г. (1984年《中華人民共和國民族區域自治法》) [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-03/03/content_5004447.htm

¹⁴ Положение о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР от 7 июля 2007 г. (《宗教事務條例》已經 2004 年 7 月 7 日). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm

¹⁵ Белая книга «История и развитие Синьцзянского производственно-строительного корпуса» (《新疆生產建設兵團的歷史與發展》白皮書). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2014/Document/1382598/1382598.htm>

Белая книга по борьбе с терроризмом, экстремизмом и защитой прав человека в Синьцзяне (《新疆的反恐、去極端化鬥爭與人權保障》白皮書). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1649848/1649848.htm>

¹⁶ Бюро статистики Синьцзян-Уйгурского автономного района (新疆維吾爾自治區統計局). [Электронный ресурс]. URL: <http://tjj.xjbt.gov.cn/>

Статистический ежегодник Китая за 2010 год. / Департамент социально-экономических исследований в сельских районах. Национальное бюро статистики. Пекин: China Statistics Press. - 2010 г. (国家统计局农村社会经济调查司.2010.中国农村统计年鉴-2010.北京:中国统计出版社)

прочие статистические данные, необходимые для анализа экономики региона прошедших лет и настоящего времени.

Данные информационных агентств и периодических изданий явились источником актуальных новостей о ситуации в регионе, дополняя общую картину деятельности СПСК в СУАР, что, в свою очередь, оказало влияние на формирование собственного мнения автора данного исследования о деятельности Корпуса.

Анализ данных источников, в совокупности с изучением литературы по теме исследования на китайском¹⁷ и русском языках¹⁸, позволил выявить концептуальную разницу во взглядах англоязычных и китайских и российских исследователей на изучаемую проблему, а также смоделировать некую объемную модель функционирования Корпуса, необходимую для формирования собственного мнения автора в отношении исследуемой проблемы и формулирования задач дальнейших исследований роли, функций и эффективности деятельности СПСК в СУАР.

Структура магистерской диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Первая глава диссертации посвящена изучению основанного в КНР в 1954 года Синьцзянского производственно-строительного корпуса (СПСК) англоязычными исследователями. В трех параграфах первой главы последовательно излагается, каким образом организована научная работа англоязычных исследователей, изучающих Синьцзян; на базе каких научно-исследовательских центров и образовательных учреждений ведется данная

¹⁷ Го Хунся. Реализация политики Коммунистической партии Китая в отношении автономии национальных районов на примере Синьцзяна и ее крупнейшие успехи / Хунся Го // Общественные науки Синьцзяна. 2005. №5. С. 63-66;
Фан Инкай. История сельскохозяйственного освоения Синьцзяна / Инкай Фан // Урумчи, 1989. С. 38-181;

Яцзюнь Бао. Синьцзянский производственно-строительный корпус: Взгляд изнутри (The Xinjiang Production and Construction Corps: An Insider's Perspective). 2018. №23. С. 2-16.

¹⁸ Буяров, Д.В. Синьцзянский производственно-строительный корпус в 2000-е гг. / Д.В. Буяров // Благовещенский государственный педагогический университет. 2018. С. 344-349. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35531064>;

Сыроежкин, К.Л. Что скрывается за аббревиатурой ПСК? // Континент. 2002. №11. С. 32-35.

работа; какие источники лежат в основе этих исследований; каковы основные теоретико-методологические подходы, используемые англоязычными авторами-исследователями Синьцзяна в своих научных трудах.

Во **второй главе** диссертации рассматривается специфика взгляда англоязычных исследователей Синьцзяна на историю и цель создания СПСК и его настоящую роль в СУАР в контексте исторической специфики региона, межэтнических проблем и социально-экономических задач, выполняемых Корпусом. Глава разделена на два параграфа, согласно хронологическим этапам истории СПСК.

Первый этап охватывает период с 1954 по 1975 гг. – в данном параграфе рассматриваются основные взгляды в англоязычной историографии на цели создания СПСК, его функции, особенности функционирования в рамках указанного периода и проблемы, настигшие Корпус в годы Культурной революции в Китае, вследствие чего ему был нанесен серьезный урон, приведший к временной утрате СПСК своего значения и его практическому расформированию.

Во втором параграфе анализируется взгляд англоязычных исследователей Синьцзяна на причины решения центрального правительства о возрождении СПСК в пореформенный период и особенности функционирования Корпуса в настоящее время (второй этап: 1981 г. – по н.в.) в контексте выполняемых задач, его роли в социально-экономическом развитии СУАР.

В **заключении** сформулированы итоги исследования.

ГЛАВА I. Изучение Синьцзянского производственно-строительного корпуса англоязычными исследователями в середине XX – начале XXI в.

1.1. Организация исследовательской работы и центры изучения Синьцзяна

Перед анализом англоязычных работ о деятельности СПСК необходимо рассмотреть, каким образом организована исследовательская работа по изучению Синьцзяна и СПСК за пределами КНР, в странах, где публиковались соответствующие англоязычные труды.

Необходимо сразу отметить, что в западной научной среде на момент данного исследования не обнаружено самостоятельных центров изучения Синьцзяна и СПСК. Однако есть отдельные англоязычные исследователи, изучающие СУАР и Корпус и довольно активно публикующиеся в разрезе данной тематики.

Одним из первых англоязычных исследователей, приступивших к комплексному изучению СПСК в контексте изучения Синьцзяна, является профессор азиатских и международных исследований факультета гуманитарных и международных исследований и факультета искусств Университета Южного Квинсленда (USQ) в Австралии, Дональд Х. МакМиллен (доктор философии, Колорадо, 1976 г.). Он также занимал должности директора по исследованиям и разработкам факультета искусств и заведующего кафедрой азиатских исследований Университета Южного Квинсленда, руководителя департамента государственных и международных исследований и директора «Гонконгского переходного проекта» в Гонконгском баптистском университете, директора Центра изучения отношений Австралии и Азии при Университете Гриффит, исполняющим обязанности руководителя Центра стратегических и оборонных исследований при Австралийском национальном университете.

В настоящее время доктор МакМиллен является членом редакционного совета «The China Journal» (Канберра), редактором-консультантом нескольких международных издательств, проводит научные лекции и семинары во многих образовательных учреждениях по всему миру. Д.Х. МакМиллен является автором ряда важных работ по Синьцзяну, в их числе «Chinese Communist Power and Policy in Xinjiang, 1949-1977»¹⁹, «Xinjiang and the production and construction corps: a Han organisation in a non-Han region»²⁰ (опубликована в 1981 г., переиздана в 2014 г.), «The Urumqi Military Region: Defense and Security in China's West»²¹ и «Xinjiang and Wang Enmao: New Directions in Power, Policy, and Integration?»²².

Доктора Майкла Е. Кларка, в настоящее время также являющегося научным сотрудником Университета Гриффит в Австралии, а точнее – его подразделения - Института Азии, Университета Гриффит в г. Брисбен, Австралия, можно смело считать последователем Д.Х. Макмиллена. В своей докторской диссертации «In the Eye of Power: China and Xinjiang from the Qing Conquest to the New Great Game for Central Asia, 1759-2004», М.Е Кларк рассматривает расширение государственной власти Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе с восемнадцатого века и последствия этого сложного процесса для внешней политики Китая в Центральной Азии. Его исследовательский опыт и интересы касаются истории, политики и внешней политики Китая, этнического сепаратизма и терроризма в Синьцзяне и Центральной Азии и распространения ядерного оружия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Свои исследования на перечисленные темы он публиковал в таких журналах, как «Issues & Studies», «Asian Studies Review»,

¹⁹ McMillen, D.H. Chinese Communist Power and Policy in Xinjiang, 1949-1977 // Boulder: Westview Press, 1979.

²⁰ McMillen, D.H. Xinjiang and the production and construction corps: a Han organization in a non-Han region // The Australian National University: The Australian Journal of Chinese Affairs, - 2014. С. 65-91. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/2159052>

²¹ McMillen, D.H. The Urumqi Military Region: Defense and Security in China's West // Asian Survey, № 22 (8). – 1984. С. 705–729.

²² McMillen, D.H. Xinjiang and Wang Enmao: New Directions in Power, Policy, and Integration? // China Quarterly, № 99. – 1984. С. 569-593.

«Australian Journal of Politics and History», «Asian Security», «Terrorism and Political Violence», и «The Nonproliferation Review». В настоящее время доктор М.Е. Кларк активно занимается изучением Синьцзяна и СПСК и опубликовал ряд значимых в этой области исследований. Наиболее исчерпывающими его исследованиями являются опубликованная в 2007 году в журнале «Issues&Studies» статья «Xinjiang in the Reform era, 1978-91»²³ и монография «Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history»²⁴.

Совместно с М.Е. Кларком над исследованием Синьцзяна и СПСК трудится его коллега по издательской деятельности Колин Маккеррас - почетный профессор Университета Гриффит в Квинсленде. Он занимался исследованиями во многих областях китайской истории и современного Китая, особенно касающихся вопросов национальных меньшинств и международных отношений. Его основные работы по этническим меньшинствам включают: «China's Minorities: Modernization and Integration in the Twentieth Century» (Hong Kong: Oxford University Press, 1994) и «China's Ethnic Minorities and Globalisation» (Лондон: RoutledgeCurzon, 2003). Он также написал веб-статью о тибетцах в современном мире для Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Китае в 2005 году. Опубликованная им в 2009 г. в сборнике статей «China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century», под собственной, совместно с М.Е. Кларком, редакцией, статья под названием «Xinjiang and Central Asia since 1990: views from Beijing and Washington and Sino-American Relations»²⁵ освещает фактор заинтересованности в ситуации в СУАР Соединенных Штатов Америки, что опосредованно влияет в том числе на сохранение за СПСК функции военизированной организации.

²³ Clarke, M.E. Xinjiang in the Reform era, 1978-91 // Issues&Studies, №. 2 (43). - 2007. С. 39-92.

²⁴ Clarke, M.E. Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history / Griffith Asia Institute, Griffith University. - 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28729150>

²⁵ Mackerras, C. Xinjiang and Central Asia since 1990: views from Beijing and Washington and Sino-American Relations // China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century. The Taylor & Francis e-Library, - 2009. С. 133-151.

Еще одним англоязычным исследователем Синьцзяна является доктор Томас Клифф - научный сотрудник ARC DECRA в Школе культуры, истории и языка при Австралийском национальном университете. В настоящее время Т. Клифф занимается исследованием негосударственного обеспечения и предоставления общественных благ в сельских районах Китая. Его исследование в основном касается благотворительных «модельных» инноваций, распространения моделей и идей, а также государственной благотворительной мобилизации. В 2009 году Т. Клифф опубликовал комплексное исследование по СПСК «Neo Oasis: The Xinjiang Bingtuan in the Twenty-first Century»²⁶. Также, в 2018 году его первая книга «Oil and water: being Han in Xinjiang» (Chicago University Press, 2016) выиграла престижную премию имени Э. Джин Смита от Ассоциации азиатских исследований за Лучшую книгу по Внутренней Азии²⁷.

Изучением Синьцзяна на базе Университета Гриффит в Квинсленде, Австралия, также занимается имеющая докторскую степень по политологии Энн МакМиллан. Ее исследования относятся к области стратегической и экономической взаимозависимости, сложившейся в регионе Синьцзян-Центральная Азия после распада Советского Союза. Э. МакМиллан много путешествовала по всему миру, а с 1996 года имела несколько исследовательских командировок в Китай, где она была организатором (лектором) Китайских полевых исследований. В настоящее время она преподает английский в рамках программы сотрудничества между Австралией и Китаем, проживая и работая в КНР. В 2009 году Э. МакМиллан опубликовала работу «Xinjiang and Central Asia: Interdependency — not integration»²⁸ в сборнике статей под редакцией К. Макеппаса и М.Е. Кларка «China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction

²⁶ Cliff, T.M.J. Neo Oasis: The Xinjiang Bingtuan in the Twenty-first Century // Asian Studies Review. 2009. Vol.33. P. 83-106.

²⁷ Cliff, T.M.J. Oil and water: being Han in Xinjiang // Chicago University Press, 2016. 280 p.

²⁸ MacMillan, A. Xinjiang and Central Asia: Interdependency — not integration // China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century. The Taylor & Francis e-Library, - 2009. С. 94-115.

into the 21st century», в которой в рамках регионального политического исследования также упоминается деятельность СПСК.

Специализируется на изучении современной истории Китая и Центральной Азии, включая Монголию, Тибет и особенно Синьцзян, куда он часто путешествует, и доктор Джеймс А. Миллуорд (бакалавр Гарварда, 1982 год; магистр гуманитарных наук, Школа восточных и африканских исследований, Лондонский университет, 1986 год; доктор философии, Стэнфорд, 1993 год) - доцент кафедры межобщественной истории в Школе дипломатической службы им. Эдмунда Уолша Джорджтаунского университета. Д.А. Миллуорд входит в состав советов основных академических ассоциаций (Совет Ассоциации азиатских исследований Китая и Внутренней Азии; Исполнительный совет Центрально-Евразийского исследовательского общества), его публикации включают «Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang» (New York: Columbia, 2006); «New Qing Imperial History: the Making of Inner Asian Empire at Qing Chengde» (London; New York: RoutledgeCurzon 2004); и «Beyond the Pass: Economy, Ethnicity and Empire in Qing Central Asia, 1759-1864» (Stanford: Stanford University Press, 1998; Chinese translation, 2006). Его самые значимые исследования Синьцзяна – это статьи «Historical Perspectives on Contemporary Xinjiang»²⁹ и «Positioning Xinjiang in Eurasian and Chinese History: Differing visions of the «Silk Road»»³⁰.

Как уже стало заметно, исследование Синьцзяна и СПСК англоязычными исследователями в основном тяготеет к Азиатско-Тихоокеанскому региону, в большинстве своем представлено исследователями, ведущими научную деятельность на базе нескольких университетов Австралии. Однако в научных кругах Западной Европы и некоторых других стран тоже есть заметные публикующиеся на английском

²⁹ Millward, J.A. Historical Perspectives on Contemporary Xinjiang [Электронный ресурс]. doi.org/10.1163/146481700793647814

³⁰ Millward J.A. Positioning Xinjiang in Eurasian and Chinese History: Differing visions of the «Silk Road» // China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century. The Taylor & Francis e-Library, - 2009. С. 55-75.

языке фигуры, исследующие Синьцзян и СПСК. Среди них особое значение имеют исследования британского ученого Майкла Диллона и публикующегося на английском языке французского исследователя Николаса Беквелина. Исследования М. Диллона простираются в области проблематики политики, безопасности и войны с точки зрения континентальной философии. Объекты его исследовательских интересов тесно связаны с проблематизацией безопасности, когда дискурсы безопасности и технологии берут в качестве референтного объекта жизнь, а не суверенную территориальность. Он написал много работ о безопасности и войне, международной политической теории, континентальной философии и культурных исследованиях. Поскольку безопасность является основополагающей для всех политических представлений, он также исследует связь между континентальной мыслью и политической теорией; концентрируясь все больше на философии события, политике столкновения и, в последнее время, божественном насилии и политическом богословии. М. Диллон ведет свои исследования на базе Университета Ланкастер, Великобритания. Наиболее значимым его изданием о Синьцзяне является статья «Xinjiang - China's Muslim Far Northwest»³¹, вышедшая в 2004 году.

Николас Беквелин занимает должность директора по Восточной Азии в расположенной в Гонконге Организации международной амнистии. Будучи приглашенным ученым в Китайском центре юридического факультета Йельского университета и ранее в Организации по защите прав человека, он получил степень доктора философии по истории в Школе перспективных исследований в области социальных наук (EHSS) в Париже в 2001 году, как выпускник факультета восточных языков и цивилизаций по китайскому языку. Он является постоянным интервьюером крупнейших международных СМИ о правовых, политических и правозащитных событиях в Китае. Публикации Беквелина выходили в «The China Journal», «The China Quarterly», и «The Journal of Asian Studies», а также в различных газетах и

³¹ Dillon, M. Xinjiang - China's Muslim Far Northwest. // L. Routledge Curzon. 2004. 201 p.

журналах, таких как «The Wall Street Journal», «The New York Times», «The International Herald Tribune», и «Foreign Policy». В рамках исследования Синьцзяна в 2000 году в «The China Journal» им опубликована обширная статья «Xinjiang in the Nineties»³², а также статья 2004 года «Staged development in Xinjiang», опубликованная в «The China Quarterly»³³.

В целом относительно организации исследовательской работы по изучению СПСК англоязычными исследователями можно резюмировать, что данная работа ведется не в рамках центров по изучению Синьцзяна и СПСК, а организуется отдельными исследователями, преимущественно из Австралии и Великобритании, в рамках университетов, в которых они состоят на соответствующих должностях. Кроме этого есть отдельные труды на английском языке, исследующие СПСК и Синьцзян, авторами которых являются исследователи из Индии, где английский язык является вторым государственным языком, а также отдельные работы японских исследователей, к сожалению, пока не найденные автором данного исследования в свободном доступе.

1.2. Источниковая база исследований Синьцзяна

Для анализа отдельных сфер экономики Синьцзяна и оценки функций и экономического эффекта от деятельности СПСК в регионе англоязычными авторами исследовались следующие источники, в совокупности составляющие источниковую базу их исследований СПСК в контексте изучения Синьцзяна:

- Нормативно-правовые акты:
 - Конституция Китайской Народной Республики 4 декабря 1982 г. (《中華人民共和國憲法》, 1982年12月4日)

³² Becquelin, N. Xinjiang in the Nineties // The China Journal. 2000. №. 44. P. 65-90.

³³ Becquelin, N. Staged development in Xinjiang // Cambridge University Press: The China quarterly. - 2004. P. 358-378. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=7559821>

- Закон КНР о районной национальной автономии 1984 г. (1984 年《中華人民共和國民族區域自治法》)
- Комиссия КПК по проверке СПСК (рабочие материалы) (中共新疆生产建设兵团紀委監委)
- Некоторые вопросы современной экономической политики в сельской местности. ЦК КПК. 2 января 1983 г. (中共中央, 《当前农村经济政策的若干问题》, 1983 年 1 月 2 日)
- Положение о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР. 7 июля 2004 г. (《宗教事务条例》已经 2004 年 7 月 7 日).
- Протокол Национальной конференции по сельскому труду. ЦК КПК. 1 января 1982 г. (中共中央, 《全国农村工作会议纪要》, 1982 年 1 月 1 日)
- Уведомление об усилении политического строительства в сельских районах. ЦК КПК и Государственный Совет. Сентябрь 1986 г. (中共中央、国务院, 《关于加强农村基层政权建设工作的通知》, 1986 年 9 月)
- Документальные материалы:
 - «ССР Central Committee Directive on Frontier Security and Unity», issued 28 August 1969, in China Topics, No.541 (28 January 1970), Appendix A, 1-2;
 - Translated in CCP Documents of the Great Proletarian Cultural Revolution, 1966- 67 (Hong Kong, Union Research Institute, 1968), p. 216;
- Материалы китайских периодических изданий и информационных агентств, таких, как:
 - «Beijing Review»;

- «China Mainland Press» (SCMP);
- «China Reconstructs»;
- «Current Background»;
- «Hong Kong Mingbao»;
- «New China News Agency» (NCNA);
- «Renmin ribao» (RMRB);
- «Renmin shouce» (People's Handbook);
- «The Peaceful Liberation of Xinjiang»;
- «Urumqi Radio»;
- «Xinjiang ribao» (XJRB);
- опубликованные в различных изданиях аналитические работы китайских авторов в разрезе исследуемой темы:
 - Chang Chuan «CPC Criticizes Regional Leadership» Cheng Ming (爭鳴) Hong Kong, May 1. In *FBIS-CHI-90-084* (May 1, 1990). P. 50-51
 - Jiang Zhinan, «An Analysis of the Changes in the Chinese Communist «Production and Construction Corps» System», *Zhonggong yanjiu*, X:7 (July 1976), P. 38;
 - Lu Xinliang, «Why Has the Army Production Corps Decided to Establish a Trade Union?», *Gongren ribao* (Workers' Daily), Beijing, 4 May 1957;
 - Saifudin, «Report on Local Nationalism at the Enlarged Conference of the XUAR CPC Committee on 6 December 1957», *RMRB*, 26 December 1957;
 - «Smash and Fascist Concentration Camp of the 23rd Regiment, Eighth Agricultural Division, Xinjiang Construction Corps», *Tianshan fenghuo* (Tianshan Beacon Fire), published by the Eighth Agricultural Corps of the Xinjiang Red Guard Revolutionary Headquarters and the Revolutionary Workers of the Xinjiang Production and Construction Corps, Nos. 4-5 (15 January 1968), in *Current Background*, No. 855 (17 June 1968), 5-8;

- Song Richang, «Shanghai Youths Can Do Much in Xinjiang», Wenhui bao, Shanghai, 17 January 1966;
- Tao Zhiyue, «PLA Units Engaged in Production and Construction in Xinjiang Struggle to Realize All Tasks of the Transitional Period», RMRB, 27 September 1955;
- Zao Jing, «An Analysis of the Situation in the XUAR», Issues&Studies, Taipei, V:2 (November 1968), P. 10-16;
- Zhang Bangying, «Report at the Conference of Cadres of the Province and Municipal Levels in Xinjiang» on 1 February 1954, XJRB, 11 February 1954;
- Zhang Yuntian, «The Establishment and Expansion of Communist China's «Production-Construction Corps»: A Study of Its Conditions and Functions», Zhonggong yanjiu (Studies on Chinese Communism), Taipei, IV:3 (March 1970), P. 12-34;
- Zhao Zong «An Account of the Great Proletarian Cultural Revolution (Part 31)», Zuguo yuekan (China Monthly), Hong Kong, No.7 7 (1 August 1970), P. 17-18;
- Zhao, Yueyao «Pivot or Periphery? Xinjiang's Regional Development» Asian Ethnicity 2, no. 2 (September). P. 197-224\$
- Wang Enmao, «The Great Victory of the Thought of Mao Zedong in Xinjiang», NCNA, Urumqi, 30 September 1965, in Current Background, No.775 (29 October 1965), P. 17;
- Wang Jilong, «Strive to Strengthen Further the Solidarity of All Nationalities in Building a New Xinjiang Together», Minzu tuanjie (MZTJ, Nationalities' Unity), No.12 (December 1961);
- Wang Zhen, «Strengthening the Building of State Farms», Hongqi (Red Flag), April 1961, cited in Beijing Review, No.17, 28 April 1961;
- Wu Zhao, «A Study of the Chinese Communist Build-up of the Production and Construction Corps along the Sino-Soviet Frontiers», Issues&Studies, Taipei, VI:2 (November 1969), P. 56-61;

- Xiao Jiyong, «An Analysis of Land Reclamation and the Establishment of State Farms on the Chinese Mainland», *Issues&Studies*, II:2 (November 1965), P. 26;

- Материалы опросов, интервью очевидцев и участников событий, собранные в полевых исследованиях:
 - Interviews with Shanghai rusticates to the PCC, Hong Kong, 1973, 1977 and 1980.

Данный список источников, примененных англоязычными авторами в рамках своих исследований СПСК в контексте изучения СУАР, не является исчерпывающим. Приведены лишь основные типы и наименования. Кроме источников в каждой из исследованных англоязычных работ по СПСК и Синьцзяну содержится обширный список литературы, чаще всего носящий перекрестный характер, что говорит об интересе англоязычных авторов к теме исследования, желании исследовать ее комплексно, расширяя картину собственных представлений о проблеме посредством знакомства с материалами и мнениями других авторов.

1.3. Основные теоретико-методологические подходы

Необходимо сразу отметить, что анализ китайских исследований по теме СПСК и Синьцзяна и полевые работы стали доступны зарубежным исследователям сравнительно недавно. При этом исследования на таких территориях КНР, как Синьцзян и Тибет, все еще подвержены ряду ограничений; следовательно, полевые работы, проводимые в этих областях, часто приводят к предвзятым или трудно интерпретируемым результатам, а информация о Корпусе, являющемся военизированной производственно-строительной организацией, часто недоступна или засекречена.

Из-за этих ограничений англоязычные исследователи склонны полагаться на данные официальных отчетов, анализ тематических исследований и полевых работ, проведенных на ограниченных выборках или

макроданных, относящихся к обширному географическому району СУАР. Касательно использования в процессе анализа материалов и отчетов, публикуемых, к примеру, международными организациями, независимо от сложности используемых в англоязычной историографии методов исследования, в части сделанных выводов заметна непреодоленная зависимость от представленных в таких отчетах официальных данных, предоставляемых государственными органами КНР, либо содержащихся в национальных и местных правительственных документах. Отдельные исследования демонстрируют попытки обобщенного анализа большого количества данных независимых источников, собранных исследователем лично в условиях «полевых» исследований социально-экономической ситуации в Синьцзяне. В таких случаях наблюдения, собеседования и исследовательская интуиция, если они совпадают и имеют перекрестные ссылки, часто приводят к исчерпывающей и строгой оценке предмета исследования.

Для получения более достоверных результатов, учитывая ограниченную доступность исходных данных, у большинства исследуемых авторов выявлено использование междисциплинарного подхода, методов анализа гибридных наборов данных и разработка междисциплинарных аналитических и интерпретационных инструментов, которые являются важным аспектом для проведения сложных исследований при написании исследовательских работ. В этом аналитический подход англоязычных исследователей СПСК в контексте изучения Синьцзяна значительно отличается от подхода их китайских коллег. В Китае издано множество работ по истории и экономике Синьцзяна, среди которых присутствуют и исследования ПСК, но, зачастую, они не позволяют сформировать комплексного представления о последовательности событий в истории развития Корпуса, направлениях проведения государственной политики в отношении развития СУАР и соответствующей роли СПСК и ее результатах. Особенность китайского подхода - это либо изучение частных видов

деятельности Корпуса, без обобщения полученных разными исследователями результатов, дабы сформировать целостную картину его функционирования, либо демонстрация роли КПК в деле преданного служения народу в контексте проводимой в Синьцзяне политики центрального правительства КНР. Применяемая в настоящее время англоязычными исследователями методология исследования, когда анализируются предпосылки событий, меры по разрешению ситуации и делаются выводы о возможных последствиях, стала применяться по отношению к Синьцзяну и СПСК сравнительно недавно, что связано с появившейся возможностью анализировать политику КНР и высказывать мнение по ее поводу и адаптацией западного подхода в анализе политических и экономических процессов в Китае.

Результаты исследований, полученные в результате применения такого подхода, можно считать достаточно обобщенными, чтобы их можно было интерпретировать за пределами строгости узкодисциплинарных подходов, что позволяет англоязычным исследователям в последующих работах по изучению СПСК двигаться к более динамичным и менее формализованным междисциплинарным методикам комплексных исследований.

ГЛАВА II. Проблемы и концепции функционирования Синьцзянского производственно-строительного корпуса в англоязычной историографии

2.1. Создание и развитие СПСК в англоязычной историографии (1954-1975 гг.)

Одной из самых ранних работ по исследованию Синьцзяна и СПСК является опубликованная в 1981 г. работа Дональда Х. МакМиллена «Xinjiang and the production and construction corps: a Han organisation in a non-Han region»³⁴. В ней он описывает процесс создания СПСК в СУАР и изначально позиционирует Производственно-строительный корпус как «Важный символ и движущую силу усилий Коммунистической партии Китая (КПК) по контролю и интеграции стратегических и традиционно неханьских окраин Китайской Народной Республики (КНР) с момента освобождения Синьцзяна в 1949 году». Согласно Д.Х. МакМиллену, «к началу 1970-х годов эту гибридную военно-гражданскую организацию можно было найти в большинстве провинций и регионов Китая. Как коллективизированная организация, ПСК стал отражать увлекательную смесь революционных маоистских идеалов, таких как самообеспеченность, человеческая борьба и самопожертвование в трудных условиях, и более умеренные, прагматичные понятия, такие как технологический опыт и научное управление и развитие». Впервые о создании ПСК было официально объявлено в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 1954 году.

К моменту «мирного» освобождения Синцзяна центральной властью КНР в 1949 году Д.Х. Макмиллен описывает сам Синьцзян как «негостеприимный пограничный регион с новым коммунистическим

³⁴ McMillen, D.H. Xinjiang and the production and construction corps: a Han organization in a non-Han region [Электронный ресурс] // The Australian National University: The Australian Journal of Chinese Affairs. 1981. №6. URL: <http://www.jstor.org/stable/2159052>

режимом в Пекине»³⁵, а ситуацию в нем - как крайне нестабильную, подверженную влиянию многих наследий, конкурирующих между собой. Давняя традиция этнической и религиозной вражды между различными местными группами, а также между ними и немусульманским народом Хань из самого Китая привела к недоверию, обиде и беспорядкам в регионе. В результате Синьцзян оставался в значительной степени автономным придатком китайского государства со значительным влиянием извне, особенно из России. До 1949 года, хотя центральные власти Китая и обладали номинальным суверенитетом над провинцией, несмотря на внутренние и внешние проблемы, в действительности Синьцзян часто управлялся местными ханьцами, а не центральным пекинским правительством.

Д.Х. Макмиллен подчеркивает, что до 1949 года «никакой центральный режим Китая, включая маньчжуров и националистов, никогда не контролировал провинцию. исключение составляли влияния извне в течение какого-либо длительного периода. И никакой режим никогда не мог использовать богатство региона независимо от иностранных интересов или в интересах формирующегося китайского национального государства. В то время как центральные власти на короткое время завоевывали Синьцзян военными средствами, пытаясь сохранить там контроль посредством военной колонизации и оскверняя его путем ограниченной иммиграции ханьцев, им удавалось сохранять поверхностное влияние на Синьцзян. Местные вопросы оставались в руках местных лидеров, которые, пока китайская власть и влияние были сильны, принимали власть ханьцев. Однако всякий раз, когда китайская власть и влияние снижались, местные группировки отбрасывали центральный контроль. Принципиально оппортунистический и эксплуататорский характер китайской (и советской) политики в Синьцзяне в сочетании с внутренними беспорядками в Китае и других регионах не

³⁵ McMillen, D.H. Xinjiang and the production and construction corps: a Han organization in a non-Han region [Электронный ресурс] // The Australian National University: The Australian Journal of Chinese Affairs. 1981. №6. URL: <http://www.jstor.org/stable/2159052>

способствовал на тот момент проведению масштабных реформ в регионе»³⁶.

Таким образом, накануне освобождения КПК Синьцзян был слаборазвитой, разделенной, мусульманской и этнически и условно неханьской провинцией Китая. В этих условиях КПК должен был «мирно освободить» провинцию и приступить к выполнению огромной задачи по установлению социалистического «нового порядка». Средством его установления, как считает Д.Х. МакМиллен, был призван стать созданный в декабре 1954 года Синьцзянский производственно-строительный корпус. Доктор М.Е. Кларк также считает создание Синьцзянского производственно-строительного корпуса ключевым элементом способности КПК консолидировать свой контроль над регионом³⁷.

Кроме того, М.Е. Кларк отмечает, что «к 1950 году в Синьцзяне в «различных политических и социально-экономических реформах, инициированных КПК, активное участие принимали передовые подразделения войск НОАК», что «общее количество реорганизованных сил НОАК в Синьцзяне в 1950 году составляло от 175 000 до 225 000 человек» и что «к 1954 году в Синьцзян было переброшено от 7 000 до 10 000 кадров армейских провинциальных подразделений по производству и строительству»³⁸. Также, при поддержке советских специалистов в 1952 году в Синьцзяне был запущен процесс коллективизации и создан первый колхоз. В нем силами армии осуществлялась помощь получившим землю смешанной группе ханьцев, уйгурских, казахских и русских семей, некоторые из которых, как сообщалось, были переселены с этой целью из бедных районов Урумчи.

Далее, согласно Д.Х. МакМиллену, «с августа 1954 года армейские подразделения, которые были демобилизованы и отправлены на работу в Синьцзян, были объединены в единую организацию, обозначенную как

³⁶ McMillen, D.H. Chinese Communist Power and Policy in Xinjiang, 1949-1977 // Boulder: Westview Press, 1979. P. 6-8.

³⁷ Clarke, M.E. Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history [Электронный ресурс] / Griffith Asia Institute, Griffith University. - 2011. – 201 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28729150>

³⁸ Там же.

Синьцзянский ПСК (Синьцзян шэнчань цзяньшэ бинтлян). Первое заседание руководства ПСК в Синьцзяне состоялось 5 декабря 1954 года во время Первого совещания представителей Комитета КПК СУАР. На этом собрании около 800 человек наметили будущие задачи ПСК и официально утвердили Тао Чжиюэ в качестве своего титульного командира. Ван Энмао стал первым политическим комиссаром ПСК, а также первым секретарем ее партийного комитета, а Чжан Чжунхань, еще один ветеран НОАК, был назначен заместителем политического комиссара и вторым секретарем его партийного комитета. Таким образом, фактическая власть в Синьцзянском ПСК принадлежала Ван Энмао и его коллегам-ветеранам из числа ханьцев»³⁹.

В мае 1956 года ответственность за Синьцзянский ПСК от лица Министерства сельского хозяйства приняло на себя недавно созданное Министерство совхозов и мелиорации. Ван Чжэнь, естественно, был избран министром этого правительственного органа. Будучи главой министерства, он, вероятно, имел больше ответственности, чем любой другой министр, по инспекции отдаленных районов КНР, в том числе Синьцзяна, где проводились работы по рекультивации. До начала 1958 года Ван одновременно возглавлял и железнодорожный корпус НОАК, функции и обязанности которого часто дополняли функции нового министерства. Занимательно то, что члены 1-й группы НОАК доминировали как в центральном министерстве, так и в Синьцзянском ПСК, создавая тем самым центрально-провинциальные связи, которые должны были иметь в будущем большое значение.

Штаб-квартира Синьцзянского ПСК в Урумчи состояла из военнослужащих, а также представителей департаментов сельского хозяйства, животноводства, водного хозяйства, промышленности и торговли, финансов и торговли, снабжения и маркетинга, и контроля транспорта. в ведении штаб-квартиры ПСК были также исследовательские институты для

³⁹ McMillen, D.H. Xinjiang and the production and construction corps: a Han organization in a non-Han region [Электронный ресурс] // The Australian National University: The Australian Journal of Chinese Affairs. 1981. №6. URL: <http://www.jstor.org/stable/2159052>

сельского хозяйства, лесоводства и скотоводства, а также суды, больницы, школы и фабрики.

Органы второго уровня Синьцзянского ПСК включали в себя отделы сельскохозяйственного производства и мелиорации (нунцзянь-ши) и отделы гражданского строительства (гунцзянь-ши). Каждое из подразделений, которые были фактически административными эшелонами, поддерживало военную организационную структуру, разделенную на полки (туан), батальоны (ин) и роты (линь), пирамидальная система была в целом принята и на уровне роты и ниже. Подразделения отвечали за географические районы различного размера, и, таким образом, количество подразделений и персонала в каждом подразделении соответственно отличалось. К началу 1970-х годов в Синьцзянском ПСК насчитывалось десять сельскохозяйственных подразделений и три отдела гражданского строительства, а наличие «независимых полков» указывало на то, что число подразделений подлежит расширению. В то время в ПСК было около 120 министерств, ведомств, секций и подразделений вплоть до полкового уровня.

Департаменты военного персонала на различных уровнях в рамках КПК, как правило, сокращались до минимума, тогда как отделения для политической работы, как правило, оставались в нормальном размере. Промежуточные кадры РСС были, в основном, старыми офицерами НОАК, которые служили при Ван Чжэне, но также включали «реформированных» офицеров Гомиьндана. Офицерам подразделений ПСК был присвоен статус офицеров запаса, но они получали зарплату под статусом демобилизованных военнослужащих¹. Демобилизованные солдаты обычно назначались на занятия, для которых они были подготовлены или имели некоторый предыдущий опыт, когда это было возможно.

Сельскохозяйственные подразделения ПСК были распределены по разным мелиоративным районам со штаб-квартирой в Инине, Тачэне (и Боле), Алтае, Усу (Куйтуне), Шихези, Урумчи, Янки, Хами, Аксу и Кашгаре. Каждое сельскохозяйственное подразделение создало совхозы и

животноводческие хозяйства. Они продолжали оказывать помощь крестьянам и скотоводам различных национальностей в экономическом развитии и кооперации путем предоставления политического и организационного руководства и технической помощи. Этому способствовал тот факт, что некоторые совхозы и хозяйства ПСК были технически и научно более продвинуты, чем их гражданские коллеги. С помощью советских советников в начале 1950-х годов ПСК разработал более эффективные и современные методы ведения сельского хозяйства и животноводства, лучшие сорта продовольственного зерна и семян хлопчатника, более надежные методы профилактики болезней сельскохозяйственных культур и животных и насекомых-вредителей, более высокую степень контроля за щелочностью почвы, более широкое использование водных ресурсов в рамках проектов ирригации и водосбережения, а также большую степень механизации сельского хозяйства. Крестьянам и скотоводам часто давали практические занятия в хозяйствах ПСК, а ПСК членов периодически отправляли давать им инструкции и рекомендации или проводить расследования. ПСК часто передавал мелиорированные земли, семена, инструменты и другие материалы окружающим кооперативам или коммунаам. Подразделения трех строительных отделов ПСК были размещены в районах, предназначенных для крупных строительных проектов. Чтобы достичь самообеспеченности, эти подразделения также создали свои собственные хозяйства и фабрики.

Большая часть роста ПСК была достигнута центральными инвестициями (включая крупные субсидии) и вспашка прибыли от подразделений. В течение 1950-х годов Пекин вкладывал в Синьцзян крупные капиталовложения, многие из которых направлялись через ПСК. Фактически провинциальный режим почти полностью зависел от централизованных экономических субсидий. Кроме того, власти Пекина предоставили

квалифицированную ханьскую рабочую и материальную помощь⁴⁰.

К концу 1954 года инженерные подразделения ПСК создали и передали местному руководству более десятка крупных магистральных заводов и построили 92 перерабатывающих завода. Говорят, что Москва оказала этим подразделениям «щедрую помощь» в строительстве. Некоторые из возникших в Синьцзяне отраслей промышленности производили исключительно для экспорта в Советский Союз. Они также начали строительство «новых городов» в Алаере и Шихэцзы и занимались созданием нового промышленного района в Урумчи. Подразделения ПСК играли ведущую роль в ремонте и строительстве автомагистралей, метеостанций и сетей связи, а также помогли построить железную дорогу Синьцзян-Ланьчжоу.

К началу 1960-х годов, как сообщалось, Синьцзянский ПСК возделывал одну треть сельскохозяйственных угодий региона, или почти 11 миллионов му (733333 га), и более 60 процентов его работы было механизировано. Его основные зерновые культуры включали продовольственное зерно, в котором он, как говорили, был самодостаточным, и экономические культуры, такие как хлопок (более половины от общего количества в регионе), сахарная свекла, конопля и шелк. Также было выращено более 2 миллионов голов скота, что составляет почти 10 процентов от общего количества в регионе. ПСК часто хвалили за его усилия в проведении научных исследований в сельском хозяйстве.

В конце 1965 года в Синьцзяне было зарегистрировано 243 совхоза. Из них на ПСК работали 149 сельскохозяйственных ферм и около двадцати животноводческих хозяйства. Остальные были местными совхозами, управляемыми гражданскими властями. Местами, где наблюдалось наибольшее расширение числа совхозов, в основном после 1958 года, были территория реки Манас вокруг Шихэзи, долина реки Или и прилегающие

⁴⁰ Anand, D. Colonization with Chinese characteristics: politics of (in) security in Xinjiang and Tibet. // Carfax Publishing Ltd.: Central Asian survey. - 2019. P. 129-147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38744469>

пасторальные районы, территория вдоль железной дороги от Урумчи до Хами, северная часть бассейна Тарима в непосредственной близости от Аксу, а также районы возле оазисов Кашгар и Хотан.

Накануне Культурной революции ПСК снова приветствовали за его вклад в промышленное развитие Синьцзяна. Провозглашалось, что ПСК: «...технологическая сила десятков тысяч рабочих, которые вносят значительный вклад в расширение области строительной техники..., а также обслуживание и производство строительной техники».

ПСК получил высокую оценку за значительный вклад в строительство более 550 крупных современных заводов и все более эффективную экономическую инфраструктуру в регионе. Сообщалось, что здесь работают сотни малых и средних промышленных предприятий. Ван Энмао отметил, что необходимо поддержать дальнейшее развитие ПСК, так как он стал такой важной частью экономики региона.

Роль ПСК, в состав которой почти полностью входили ханьцы, напоминала роль военных колонистов, отправленных в регион в восемнадцатом веке маньчжурскими императорами. Колонизация стала важной функцией этих подразделений в последующие годы, когда в их ряды вошло большое количество ханьского персонала, включая демобилизованных людей из НОАК, квалифицированных рабочих, крестьян, а также «социальную» или образованную городскую молодежь. ПСК предоставил организацию, в которую можно было бы направить таких поселенцев для производства и строительных работ, и это способствовало резкому увеличению ханьского компонента в населении региона. В начале 1950-х годов многие, кто присоединился к армейским производственным и строительным подразделениям, были квалифицированным или полуквалифицированным персоналом, и некоторые из них были назначены на фиксированные сроки или конкретные проекты. После охлаждения корейского конфликта в 1952 году все больше солдат были демобилизованы и отправлены в регион. Осенью 1954 года ПСК насчитывал более 200 000

членов.

В том же году кадры из СПСК были отправлены в различные провинции и города в китайских ханьских районах, чтобы нанять рабочих и молодежь для участия в строительстве границы в Синьцзяне. В конце концов, ПСК создал и поддерживал офисы связи во многих таких местах. В Синьцзяне ПСК открыл приемные станции для поселенцев хань, чтобы обеспечить им дальнейшую физическую и идеологическую подготовку до их назначения на предприятия ПСК. Во время переселения они почти всегда содержались в своих первоначальных группах. Каждый поселенец, как правило, должен был подписать письменное обязательство служить партии и народу Китая в пограничном регионе, первоначально в течение трех или четырех лет, но в начале 1960-х годов региональные СМИ утверждали, что поселенцы были назначены там постоянно. На протяжении всей истории переселения ханьцев в Синьцзяне всегда был элемент принуждения, если не принуждения, хотя иногда это делалось добровольно по идеологическим или патриотическим причинам.

К маю 1957 года число членов ПСК возросло до 300 000, главным образом из-за притока ханьцев из восточных провинций и городов. В этом месяце в рамках ПСК был создан профсоюз, который был включен в национальный профсоюз сельскохозяйственного производства и охраны водных ресурсов. К концу 1957 года более 90 процентов работников ПСК были зачислены в новый профсоюз. Создание этой организации в рамках ПСК было оправдано тем, что: «...возникли новые проблемы, связанные с организацией труда, управлением различными предприятиями, заработной платой и социальным обеспечением, образованием. Срочно потребовалось создание профсоюза в рамках ПСК, чтобы направлять социалистические подражания, социальную помощь и идеологическую работу»⁴¹.

Неудивительно, что быстро растущая организация, состоящая в

⁴¹ Clarke, M.E. Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history [Электронный ресурс] / Griffith Asia Institute, Griffith University. - 2011. – 201 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28729150>

основном из представителей ханьцев различного происхождения, возраста и профессий, осложняющих своим присутствием ситуацию в неханьском регионе, должна была испытывать некоторые внутренние и внешние проблемы. Например, в августе 1955 года Департамент общественной безопасности ПСК раскрыл «контрреволюционную шпионскую организацию», связанную с так называемой «Китайской демократической партией» в Шаньдуне. Ее лидерами, как говорили, были чиновники из бывшего Гоминдана, которые «оклеветали» руководство партии, подстрекали противостоящие элементы против правительства, похищали оружие и поджигали его после вступления в ПСК в начале 1950-х годов. Аналогичные обвинения были выдвинуты в мае и августе 1957 года против «правых» в ПСК, которые совершили серьезные преступления «сектантства, грабежа, воровства и коррупции». В том же году было объявлено, что в ПСК 16 700 человек, что составляет 62% от общего числа, задействовано в контрреволюционной деятельности. Они должны были быть переведены из органов более высокого уровня для участия в производительном труде на базовых уровнях. Понижение в должности такого большого числа кадров ПСК указывает на серьезные проблемы в рядах, и что были предприняты попытки дисциплинировать некоторых из бывших Солдат Гоминьдана (и, возможно, ветеранов НОАК), возможно, потому, что они не были достаточно реформированы идеологически. Партия, возможно, была мотивирована внутренними и внешними событиями, чтобы выделить определенные элементы для критики или наказания. Под рубрикой «антиправой борьбы» люди, которых считают ненадежными, возможно, даже те, на кого советские советники оказывали чрезмерное влияние, попадают в эту категорию. Кроме того, руководство, возможно, сочло необходимым публично «убить несколько символических жертвенных ягнят» в ответ на более ранние обвинения со стороны кадров национальных меньшинств в том, что некоторые кадры ханьского ПСК не уважали их, что в некоторых департаментах ПСК вообще не было кадров меньшинств, что ПСК не уважал

обычаи и привычки коренных народов, и что народ ханьцев был «ничем иным, как колонизатором».

В периоды 1958-59 и 1963-65 гг., которые, соответственно, совпали с «Большим скачком» и публичным разоблачением напряженности вдоль советско-китайской границы и беспорядков среди неханьских народов Синьцзяна, десятки тысяч молодых ханьских поселенцев хлынули в регион. Первоначально эти деревенские жители на дальних расстояниях приходили из провинций Цзянсу, Хубэй, Хунань и Аньхой, но позже переселенцы из Шанхая и его окрестностей стали доминировать в движении. Более трех четвертей всех поселенцев отправились в различные подразделения и предприятия ПСК. Фактически, рабочая группа ПСК в Шанхае содействовала продвижению региона, координировала набор персонала и предоставила одежду, обувь и билеты для дальней поездки. Драматические труппы из ПСК были также отправлены из Синьцзяна в муниципалитет, так же как и «отобранные» шанхайские деревенские жители, которые были отправлены в регион ранее. Были предприняты усилия, чтобы убедить родителей шанхайской молодежи, что Синьцзян не был «странной и дикой территорией» и что их дети преуспели бы, чтобы служить революции там⁴².

Эта «связь» между Шанхаем и Синьцзянем (и аналогичными, но меньшими программами с другими городами, такими как Тяньцзинь и Ухань) действовала более десяти лет, вплоть до 1967 года. К началу 1965 года около 70000 шанхайских юношей служили в Синьцзянском ПСК. Согласно более позднему отчету, более 100000 образованных молодых людей присоединились к ПСК из Шанхая, Тяньцзиня и Ухани в течение 1963-66 гг. Шестидесяти тысячам было назначено предприятия ПСК в бассейне Тарима, из которых 2 процента стали членами партии, а 20 проценты вступили в Коммунистическую лигу молодежи.

Партия считала, что иммиграция ханьцев в Синьцзян поможет

⁴² Clarke, M.E. Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history [Электронный ресурс] / Griffith Asia Institute, Griffith University. - 2011. – 201 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28729150>

политически интегрировать регион и его жителей, не являющихся ханьцами, в Китай, а также создаст условия, необходимые для быстрого крупномасштабного экономического развития и модернизации под руководством Пекина. Потребность в увеличении рабочей силы и квалифицированной рабочей силы резко возросла в начале 1960-х годов, особенно после вывода советской помощи и советников.

Переселение ханьцев в Синьцзян также обеспечило выход в районы внутреннего Китая, где основными проблемами были перенаселение, военная демобилизация и безработица. Партийные власти, несомненно, признали, что Синьцзян был одним из немногих мест в Китае, где обширные участки земли были доступны для мелиорации. Основная масса новых поселенцев была образованной городской молодежью, которая не могла быть включена в существующую рабочую силу внутреннего Китая. Отправка таких молодых людей в Синьцзян, несомненно, также была идеологически мотивирована. Маоистская группа в центральном партийном руководстве, вероятно, стремилась к тому, чтобы такие молодые люди не становились элитарными, не привыкли к комфорту и не считали ненужным «становление» в революционной борьбе. Возможно, они все чаще использовали движение рустики как средство для проникновения сочувствующих молодых последователей в по сути «консервативную» организацию, процесс, который стал особенно заметным во время культурной революции. Большинство деревенских жителей были назначены на ручной труд на предприятиях и в хозяйствах ПСК, где они почти всегда находились под командованием ветеранов.

К 1966 году число членов Синьцзянского ПСК возросло до 500000 - 600000 человек. Организация оставалась подавляющим большинством, но ветеранский компонент значительно сократился по сравнению с поколением младше 30 лет. Таким образом, членство в ПСК состояло в основном из недавно прибывшей городской молодежи.

Напротив, гораздо меньшая группа ветеранов с более длительным

опытом производства и строительных работ в Синьцзяне продолжала занимать практически все руководящие должности в рамках ПСК. В эту группу входили как бывшие бойцы НОАК, служившие под командованием Ван Чжэнь и Ван Энмао, так и бывшие офицеры-националисты из подразделений Тао Чжиюэ, которые подвергались реформе.

Руководство ПСК оставалось практически неизменным до 1966 года, когда Тао был командиром, а Ван Энмао - политическим комиссаром. Ветераны НОАК занимали более 80 процентов «лидирующих позиций» на уровне подразделений и выше. В 1965 году появились признаки того, что «посторонние» начали «проникать» в руководство ПСК. Линь Бяо был определен в качестве высокопоставленного вице-командира и первого заместителя политического комиссара ПСК, в списке которого он опередил Чжан Чжонхана.

До Культурной революции региональное руководство под руководством Ван Энмао в целом демонстрировало сильное предпочтение постепенной, умеренной политике развития. Оставаясь твердо приверженными окончательной интеграции региона с Китаем, Ван осознал, что стиль политики и ее реализация в Синьцзяне были осложнены региональными условиями и потребностями. Более того, было очевидно, что то, что он (и даже Пекин) часто хотели сделать в регионе, настолько уязвимом для советского влияния, отличалось от того, на что вынуждали обстоятельства. Его взгляд на радикальную политику, которая не учитывала местных условий или проблем, не вызывал энтузиазма. Это не означает, что Ван считал идеологическое сознание неважным или что его партийное правление в регионе не было твердым. Однако с годами он демонстрировал растущую склонность поддерживать только ту радикальную политику, которая, по его мнению, способствовала национальной безопасности, внутренней стабильности и единству и экономическому процветанию⁴³.

Что наиболее важно, политическая позиция Вана в 1966 году

⁴³ Dreyer, J.T. Ethnicity and Economic Development in Xinjiang // Inner Asia. 2000. № 2. P. 137-154.

расходилась с позицией Мао, который приводил в движение колеса Культурной революции. Таким образом, из-за своей политической позиции и своей хорошо укоренившейся базы власти в Синьцзяне Ван и его коллеги (и различные институты, которые развивались под их руководством, в том числе ПСК) представляли собой естественные цели для возникающего левого прилива, созданного маоистским центром. В глазах Мао Ван стал олицетворять зло регионализма и ревизионизма. Когда культурная революция развернулась, Ван попытался как можно дольше изолировать Синьцзян от худших излишков кампании. По сути, его позиция заключалась в том, что социалистическая законность, а не пролетарское насилие, должна управлять движением в стратегическом пограничном регионе. До конца 1966 года Культурная революция в Синьцзяне была почти полностью разыграна местными ханьскими актерами под пристальным наблюдением и контролем Вана. Однако когда левые красные гвардейцы из Пекина принесли движение со всем его экстремизмом в Синьцзян, Ван ответил репрессиями. Действия Вана также, несомненно, были основаны на желании сохранить свою позицию в Синьцзяне.

Радикальное влияние среди образованной молодежи в ПСК резко возросло, и 25 декабря 1966 года в Шехедзы произошли ожесточенные столкновения между новыми красногвардейцами и ветеранами ПСК, которые сформировали консервативную провановскую организацию под названием «Производство военного региона Синьцзяна и Строительный корпус. Август. Первая полевая армия клянется защищать мысль Мао Цзэдуна до смерти». Несмотря на то, что напряженность уменьшилась, месяц спустя в Шехедзы произошел еще один инцидент, когда Ван Энмао находился в Пекине. Предварительная реконструкция «Инцидента в Шехедзы», основанная на различных отчетах Красной гвардии и информаторов, предполагает, что он начался вечером 25 января 1967 года, когда радикалы Первого августовского сельскохозяйственного института попытались захватить власть на текстильной фабрике и арестовали нескольких ветеранов ПСК. На

следующее утро консервативная часть ПСК - «Августа. Первой полевой армии» - отправила десять грузовиков с вооруженными войсками. Затем радикалы были расстреляны и гранаты, и «десятки людей были убиты, и более 500 человек были объявлены пропавшими без вести». Многие из радикальных молодых повстанцев в Шехедзы были окружены и отправлены в лагерь для задержанных⁴². Затем консерваторы установили блокаду вокруг Шехедзы и отключили телефонную связь.

Подобные инциденты были зарегистрированы в Коламае 4-го сельскохозяйственного отдела ПСК, в Мосоване 8-го сельскохозяйственного отдела ПСК и в Душанзи. Консерваторы ПСК также атаковали радикальные ополчения в Урумчи, и начались уличные бои. Консерваторам удалось ненадолго захватить дюжину танков против радикалов в Урумчи. Чтобы отомстить за своих товарищей в Синьцзяне, радикалы в Пекине совершили налет на министерство совхозов и мелиорации и арестовали около шестидесяти чиновников, включая министра Ван Чжэня.

«Инцидент в Шехедзы» сыграл важную роль, указав на серьезность ситуации в приграничном регионе, особенно в рамках ПСК. Чрезвычайное положение было выявлено центральными властями 28 января, когда Комиссия по военным вопросам издала директиву, призывающую провести культурную революцию «поэтапно и по группам» в тех военных регионах, которые составляли «Первая линия защиты от империализма и современного ревизионизма», включая Синьцзян. Директива предписывала на время отложить культурную революцию, потому что «империалисты, ревизионисты и реакционеры жаждали более активных действий» против Китая. Этим военным округам было приказано стабилизироваться, чтобы защитить национальную оборону. 11 февраля Пекин пошел еще дальше, издав «Постановление о двенадцати пунктах», согласно которому XJMR непосредственно контролировал культурную революцию в ПСК. В регламенте говорилось, что ПСК - это не обычная сила для мелиорации земель, а производство. силы, вооруженные оружием, и поэтому необходимо,

чтобы над ним осуществлялся военный контроль во время развертывания «нового этапа классовой борьбы».

Хотя группа Мао Линя официально приказала прекратить все мероприятия культурной революции в Синьцзяне, это не означало, что радикальные или консервативные группировки будут подчиняться. На самом деле, насилие продолжалось, несмотря на директивы Пекина. Позже появились признаки того, что фракция Мао Линя в частном порядке санкционировала продолжающиеся радикальные нападения на Ваня. Так, почти два года Синьцзян погрузился в состояние виртуального хаоса.

В то время как утверждалось, что Ван сохранял лояльность всех, кроме одного (неизвестного) подразделения ПСК и большинства региональных войск НОАК, его силовая база, тем не менее, медленно разрушалась. В конце 1968 года он был понижен в должности до заместителя председателя нового регионального Революционного комитета при Лонге Шуцзине, а в начале 1969 года вообще удален из региона. Многие из его региональных коллег были также поражены радикалами, в том числе Чжан Чжонхань и Тао Чжиюэ, которого на посту командира КПК сменил Чжан Цзечен, ветеран фракции 4-го СА по линии Лин Бяо. Согласно одному отчету, 84 процента кадровых подразделений ПСС и 60 процентов его кадрового уровня были осуждены радикалами как «ренегаты, вражеские агенты, фальшивые члены партии, классовые пришельцы и капиталисты-переселенцы», уволенные из их посты и заменены радикальными сочувствующими. Многие ветеранские кадры, которые «добросовестно работали на партию в течение нескольких десятилетий, были избиты до смерти или искалечены». Чтобы спастись, ряд ветеранских кадров в ПСК, по-видимому, присоединился к рядам радикалов (или, как позже прокомментировала Синьцзян Daily, они «наняли себя в Банду четырех »).

В разгар культурной революции в Синьцзяне многие из одаренных молодых людей в ПСК вернулись в свои дома в Шанхае и других крупных китайских городах. Некоторые из них, возможно, подстрекались к побегу со

стороны ветеранов региональных партийных властей и лидеров КПК, которые не хотели, чтобы в их среде находились потенциальные красногвардейцы. Некоторые вернувшиеся шанхайские юноши позже утверждали, что они были несправедливо изгнаны из Синьцзяна региональным истеблишментом. другие утверждали, что они добровольно отправились в муниципалитет, чтобы там «обменяться революционным опытом» или просто уехать домой. Каковы бы ни были причины, по которым они покинули Синьцзян, после того, как молодые люди незаконно вернулись в свои дома, у них не было вида на жительство, талонов на питание и других необходимых документов. властями. Они стали дополнительным бременем дома, и их все чаще рассматривали как нежелательных гостей. Поскольку они могли выжить только за счет воровства, черного рынка и других теневых действий, они еще больше способствовали нестабильности в таких местах, как Шанхай. В результате власти, которые были осаждены своими собственными проблемами, начали призывать вернувшихся молодых людей пробиваться обратно в Синьцзян. Однако «связь» между Шанхаем и Синьцзяном, существовавшая до 1966 года, была разорвана.

1970-е годы в Синьцзяне, как и повсюду в Китае, характеризовались продолжением «двухсторонней борьбы» между умеренными, которые хотели хотя бы частичного возврата к более постепенной политике периода до 1965 года, и левыми, которые хотели продолжить радикальные реформы, начатые во время культурной революции. Эта борьба стала в основном сосредоточена в рамках ПКК, который оставался весьма нерешенным из-за раздоров между группировками.⁵¹ Это вызвало общий спад в региональной экономике, в том числе на различных предприятиях ПСК.

Под региональным лидерством Лун Шуцзиня предпринимались некоторые радикальные политические инициативы, но без особого успеха. Как указывал автор в других местах, стремление устранить материальные стимулы (включая рабочие места и премии) и всякую частную собственность, по-видимому, привело к серьезным проблемам, включая спад

производства, воровство, спекуляции и черный маркетинг. После 1971 года наблюдалась тенденция к политике модернизации и сокращения возникли. Фактически, к тому времени, когда Синьцзян праздновал свою двадцатую годовщину как автономный регион в октябре 1975 года, многие из более «политики развития», ранее защищавшейся Ван Энмао, были возвращены. Тем не менее, были признаки радикального недовольства и противодействия этим течениям в регионе, особенно в ПСК.

После создания Второго комитета КПК в Синьцзяне в мае 1971 года и «дела Линь Бяо» в том же году были предприняты усилия, направленные на снижение вовлеченности и авторитета военных в гражданской политической сфере. Одновременно с этим было предпринято движение по реабилитации кадров, которые были поставлены под борьбу радикальными красногвардейцами в разгар культурной революции. Например, несмотря на то, что Чжан Цзечен оставался командующим ПСК, Тао Чжиюэ вновь появился в качестве заместителя командира в конце 1972 года. В формирующемся региональном руководстве были предприняты сознательные усилия для разделения высших гражданских и военных должностей путем назначения им различных лиц. Например, в 1973 году Сейпидин был назначен 1-м секретарем партийного комитета Синьцзяна, председателем областного революционного комитета и политическим комиссаром ХЖМР. Ян Юн был переведен из Шеньяна, чтобы стать командующим ХЖМР и вторым по званию лидером Партии и Революционного комитета. В новом коллективном руководстве, которое развивалось, не доминировала ни одна всемогущая личность или отдельная фракция. Он представлял собой тщательно сбалансированный комплекс гражданских и военных элементов, ветеранов и молодых кадров (включая представителей «революционных масс»), «инсайдеров» и «аутсайдеров» и, по крайней мере, номинально неханьцев, а также ханьцев. Система сдержек и противовесов была встроена в эту руководящую группу, и региональная элита, как правило, стала более восприимчивой к центральной власти и

контролю.

После смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 года и последующей кампании против радикальной «Банды четырех» Сейпидин был отстранен от своих региональных позиций из-за плохих экономических показателей Синьцзяна и предполагаемых связей с последователями «Банды» и заменен Ван Фэном, как высший партийный деятель в регионе. [57] Два заместителя председателя регионального революционного комитета, Ян Ли и У Чулун, оба представители «революционных масс», появившихся во время культурной революции, также были осуждены и очищены. Последовательность новых командиров XJMRS8 последовала за переездом Ян Юна в Пекин в июле 1977 года, в том числе Лю Чжэнь, У Кехуа и, в настоящее время, Сяо Цюаньфу.

По словам Ван Фэна, противодействие «бандитской» (антилевой) кампании в Синьцзяне в 1978 году «натолкнулось на большое сопротивление» среди «острой борьбы». 59 «Синьцзян Дейли» определила основные проблемы региона, когда она называлась чтобы все объединялись, смотрели в будущее и работали на «четыре модернизации». 60 Он признал, что внутренний ущерб, нанесенный партии в Синьцзяне «бандой», был серьезным и не был полностью исцелен. Хотя он утверждал, что многое было сделано для исправления ситуации, в том числе исправление многих случаев «подделок, ложных обвинений и неправильных приговоров» против ветеранских кадров, он предостерегал от «запутывания в прошлых событиях». Очевидно, что власти пытались предотвратить повторение широко распространенного группового насилия, которое перешло в чувствительную сферу отношений ханьцев и меньшинств во время более хаотических фаз культурной революции. Действительно, большое внимание было уделено важности активизации перевоспитания в области национальной политики. Он должен был подчеркнуть борьбу с ханьским шовинизмом, «ключом» к налаживанию отношений между различными народами.

Кампания против «банды» шла очень медленно, даже после того, как в начале августа 1978 года по этому вопросу была проведена важная региональная партийная рабочая конференция. По сообщениям, на этой встрече развернулась «острая внутривнутрипартийная борьба», чтобы критиковать определенные «права». идеи уклонистов, «которые мешали движению» 62. В течение следующих нескольких месяцев атаки на «буржуазную фракционность» среди некоторых руководящих кадров в различных префектурах и частях были усилены с отправкой партийных рабочих групп, и были отмечены прорывы в решении многих «давние проблемы». В Таченге сопротивление радикалов было преодолено только путем установления военного контроля.

Крупный прорыв, о котором заявляют власти, был в РСС. После более чем месячной встречи конференция по кадрам на трех верхних уровнях КПК, проходившая под непосредственным руководством регионального комитета КПК, завершилась в середине января 1979 года 64. Собрание, должно быть, было долгим и очень горьким испытанием «Остальные обвиняемые левые в организации. В итоге были приняты карательные меры для увольнения и замены «горстки лиц, совершивших серьезные преступления и отказавшихся каяться». Среди их предполагаемых преступлений была их неповиновение партийной и военной дисциплине, побуждая подразделения РСС участвовать в борьбе силой; их ошибочные нападения на Дэн Сяопина, Хэ Лонга, Ван Чжэня, Ван Энмао и многих «революционеров старшего поколения»; и их «наглой мобилизацией отделов вооруженных сил различных подразделений с целью захвата власти отделов партийных комитетов и передачи их под контроль» 65. Из-за их вмешательства и саботажа ОКК, как утверждается, понесла большие потери в революции и производстве.66 На том же заседании были рассмотрены дюжина или около того случаев несправедливых, ложных и ошибочных приговоров, вынесенных ранее радикалами против ведущих членов ПСК.

В течение 1970-х годов региональные власти также начали переселять

бывших красногвардейцев и других молодых людей из городских центров в сельские. К концу 1972 года около 200 000 образованных молодых людей были «отправлены в отставку». Более поздний отчет показал, что в общей сложности 450 000 таких молодых людей из Шанхая, Ухани и других крупных городов, а также из городов в регионе, обосновались или возвращение в сельскую местность.⁶⁸ Региональные власти, по-видимому, были больше озабочены отправкой молодых людей в свои сельские районы, чем восстановлением полномасштабной программы ржавчины между Синьцзяном и другими районами Хань. О том, что последний все еще функционировал, было указано Радио Урумчи 20 февраля 1972 года, в котором говорилось, что более 3000 студентов колледжей из разных частей Китая «принимают перевоспитание с открытым разумом» на фермах ПСК.

Кампания по переселению этих молодых людей не всегда проходила гладко. Некоторых молодых людей заставляли возвращаться в сельские районы⁷⁰. В то время как властям удалось вывести потенциально дестабилизирующий элемент из региональных городов, им, возможно, удалось только перенести его. В конце 1979 года Гуанмин Рибao обнаружил, что «в течение последних нескольких лет» некоторые пограничные районы, населенные национальными меньшинствами, сообщали, что интеллигенты из внутренних районов, которые отправились туда на работу, в очень большом количестве «возвращались» во внутренний Китай. По-видимому, он достиг той точки, когда стало трудно проводить курсы или проводить исследования в некоторых университетах. Считалось, что условия труда плохие, оборудование устаревшее, книги и исследовательские материалы отсутствуют, а материальное вознаграждение «не вполне рационально». Как обычно, «РС» обвиняли в этих проблемах в ПСК.

В ответ региональные власти начали кампанию по обучению у Ян Юнцина, образованной молодежи из Шанхая и заместителя секретаря Лиги молодежи Синьцзяна, которая вызвалась (очевидно, убедив своего демобилизованного мужа-солдата присоединиться к ней), чтобы вернуться из

Урумчи в «передовое сельскохозяйственное производство» в полковом хозяйстве № 145 в Шихези. 73 Региональное бюро образования и офис, отвечающий за расселение образованной молодежи в сельской местности, также публиковали частые запросы в подразделения, призывающие их помочь всем молодым людям, которые хотели поступить в университет, предоставив им достаточно времени для просмотра уроков и подготовки к вступительным экзаменам.

В соответствии с общим наращиванием партийной власти по отношению к военным после «дела Линь Бяо», влияние партии и контроль над КПК усилились в начале 1970-х годов. В период с ноября 1974 года по июнь 1975 года Синьцзянский ПКК, функционировавший под эгидой ХЖМР с 1967 года, был реорганизован и полностью подчинен гражданскому руководству региона. Кроме того, название «Корпус производства и строительства» было упразднено, и не было больше были государственные фермы и ранчо в рамках РСС, описанные как единицы определенного подразделения ПСК.

В ходе реорганизации все подразделения и выше подразделения были упразднены и первоначально были переданы главным образом в ведение Регионального революционного комитета «Комитет по сельскому хозяйству и животноводству» и его местных подразделений, возглавляемых членом Постоянного комитета КПК Синьцзяна Ли Цзяю. К началу 1978 года «Синьцзянское общее бюро совхозов и мелиорации», функционирующее при региональном народном правительстве (и партии), приняло в качестве координирующего органа для вновь назначенных сельскохозяйственных подразделений ПСК, «Синьцзянское региональное командование капитального строительства сельскохозяйственных земель». 78 К концу 1979 года под его руководством в специальных округах и автономных префектурах Синьцзяна функционировали четырнадцать отраслевых мелиоративных бюро.⁷⁹ Единственным лидером, публично отождествленным с новым командованием, был заместитель главы, Томур

Давадат, уйгур, также являющийся секретарем областной комитет партии и председатель Постоянного комитета Синьцзянского народного конгресса. Однако командир бывшего КПК Чжан Цзечен и его предшественник Тао Чжиюэ все еще активно участвовали в региональной политике.

В 1978-79 годах Бюро в Синьцзяне управляло 190-200 совхозами и ранчо. Более 70 из них находились в бассейне реки Тарим, и еще 20 были сгруппированы вокруг Шихэцзи.⁸¹ Когда «независимые полки» и те в соответствии с тремя бывшими инженерно-строительными подразделениями, вычтенными из общего числа 252 полков в КПК в Синьцзяне в 1976 году², приблизительное соотношение 1:1 может быть установлено для бывших сельскохозяйственных и пастбищных полков КПК, а также новых полковых ферм и ранчо. Это означает, что в каждом полку имеется одна ферма, хотя ее численность варьируется от 4000 до 16 700 человек (по 4-7 батальонов) в каждом.

Полки и подразделения трех инженерно-строительных отделов обычно назначались или объединялись в Инженерный корпус капитального строительства при региональном бюро капитального строительства и инжиниринга. Однако эти подразделения иногда объединялись с военными подразделениями, такими как Корпус капитального строительства НОАК и Железнодорожный корпус НОАК, для осуществления более крупных проектов. Это иллюстрируется существованием «Синьцзянского железнодорожного инженерного командования», которое состояло из частей Железнодорожного корпуса НОАК и «истребителей-мелиораторов».

Другой причиной изменений в ПСК было публично признанное неспособность совхозов в Китае работать эффективно и с прибылью с 1966 по 1976 год. Сообщалось, что за десять лет с 1966 года ранее здравая система управления была серьезно нарушена и производство резко упало с общей потерей за период в 3500 миллионов юаней.⁸⁵ После 1976 года в 2048 совхозах страны были предприняты меры по преодолению этого спада. Они включали укрепление руководства совхозов, принятие научного управления,

расширение права самоуправления и совершенствования методов бухгалтерского учета, развития более диверсифицированной экономики и предоставления бонусов в дополнение к базовой заработной плате. В Синьцзяне всем полковым хозяйствам было приказано получать прибыль на предприятиях и в экономических начинаниях для обеспечения быстрого и непрерывного развития.

После своего посещения совхозов в Синьцзяне в 1978 году, Хуа Гофэн предложил, чтобы фермы в Китае управлялись так же, как предприятия, объединяя фермерство, промышленность и торговлю (производство, переработку и маркетинг) на экспериментальной основе.⁸⁶ Соответственно, промышленные комплексы были запущены при Министерстве совхозов и мелиорации в 27 провинциях, автономных округах и муниципалитетах.⁸⁷ Комплексам было разрешено напрямую продавать свою продукцию или обрабатывать ее для продажи при условии, что они поставляют и продают квоты департаментам государственных закупок. , Ранее совхозы могли производить только то, что им говорили, и не имели права напрямую продавать свою продукцию.

В октябре 1978 года полковая ферма № 143 в префектуре Шихези начала превращаться в один из этих комплексов. Он создал 11 перерабатывающих заводов и 31 магазин и сервисный центр, где продаются или обмениваются сотни сельскохозяйственных и промышленных товаров, овощей, фруктов и других предметов первой необходимости. К концу года общий объем продаж, согласно сообщениям, составил 180 000 юаней.⁸⁹ Но, несмотря на «положительный прогресс» в управлении совхозами, в начале 1979 года Синьцзян Daily сообщила, что многие фермы все еще имели проблемы с управлением и не обращали внимания на эффективность работы, производственные затраты и учет⁹⁰. Хотя число полковых хозяйств, понесших убытки, сократилось на 43 процента, число прибыльных хозяйств увеличилось только с 8 до 22. В ответ региональное Генеральное бюро совхозов и мелиорации земель выданы следующие пять новых мер

управления:

(1) Уважать или расширять полномочия фермерских хозяйств и компаний по управлению хозяйством, чтобы дать им больше полномочий в выборе культур, разработке планов посева, разработке мер по увеличению производства, дополнительных инвестиций и покупке большего количества производственного оборудования.

(2) Позвольте большинству совхозов внедрить независимую систему финансовых контрактов, в которой каждая ферма несет единоличную ответственность за свои собственные прибыли или убытки.

(3) Позитивно практиковать систему фиксированных стандартов, контрактов и вознаграждений, в которой каждая ферма должна устанавливать стандарты для каждой из своих производственных компаний и подписывать с ними контракты.

(4) Установить или улучшить правила и положения, основанные на системе ответственности на каждом посту, такой как управление планами, производство, технологии, оборудование, материалы и финансовые вопросы.

(5) Укрепление системы фиксированных производственных квот и улучшение координации между рабочими для повышения производительности труда.

По-видимому, региональная экономика, в том числе совхозы, не с готовностью отреагировали на эти меры, и к началу 1980 года появились сообщения о серьезных экономических проблемах в южном Синьцзяне.⁹² Это могло быть одной из причин инцидента в апреле между гражданами меньшинств и подразделения Южного Синьцзянского военного округа, которые были вызваны в Аксу для «урегулирования местных беспорядков». Как сообщалось, несколько сотен солдат и гражданских лиц были убиты или ранены в ходе драки. Это привело к тому, что во второй половине апреля делегация во главе с Ван Фэном и Исмаилом Аматом, 1-м секретарем и секретарем регионального комитета КПК, совершила напряженную «бедную» поездку по южной части Синьцзяна.⁹⁴ Хотя условия там частично

объяснялись В результате стихийных бедствий Ван назвал основную причину «пагубного ультралевого влияния» величия, общественной собственности, эгалитаризма и бедности ». Его последующие наблюдения, заслуживающие внимания за их откровенный характер, заключались в том, что крестьяне или пастухи, особенно кадры среди них, привыкли приравнивать такие понятия, как «большой, общественный, равный и бедный» к социализму. Таким образом, принятие бригады фермерских хозяйств в качестве единицы учета всегда [как представляется] было более социалистическим, чем принятие бригады мелких фермеров в качестве единицы учета. Частные участки, отдельные семьи, владеющие скотом или птицей или несколькими деревьями вокруг их домов, были, или в некоторых местах, вероятно, все еще заселены. Эгалитаризм считался единственным социалистическим способом распределения, и бедный крестьянин всегда был более революционным и социалистическим, чем другой парень, который заработал на несколько юаней больше, чем он. Не избавившись от таких концепций, некоторые кадры все еще считают безопасным не быть в восторге от новой политики. Будучи подвергнутыми критике ранее, они боятся, что их снова могут критиковать за практику капитализма или ревизионизма, когда новая политика вытесняется старой линией. Хуже того, есть также кадры, которые обнаружили, что эгалитарное распределение на самом деле пошло на пользу их не очень трудолюбивым иждивенцам и родственникам.

Люди в целом предпочитают новую политику и выиграли от нее. Но есть и те, кто боится, что это не может продолжаться долго. Другие боятся, что кадры, преданные новой политике, могут быть переведены. Третьи же видели своими глазами, как директивы, пропагандирующие новую политику, были искажены в процессе их передачи по административной лестнице.⁹⁵

Ван пришел к выводу, что людям следует «дать поводья» в их стремлении к лучшей жизни, и что менталитет некоторых кадров, которые гордятся тем, что их команды бедны, должен быть изменен.

Замечания Вана подразумевали, что радикальное влияние (а также общее кадровое беспокойство по поводу изменения политики) в Синьцзяне было причиной сопротивления полномасштабному внедрению политики, которую некоторые считают чрезмерно «либеральной и выгодной». Еще более значительным было очевидное нарушение отношений между местным неханьским населением и региональными воинскими частями и персоналом совхоза (главным образом бывшего ПКК). Понимая опасные последствия этого, в октябре состоялся очередной визит в южный Синьцзян бывшего ведущего партийного и военного деятеля в Синьцзяне, а теперь члена Политбюро Ван Чжэня.

Эта тема была отражена в Урумчи три дня спустя, когда Ван Чжэнь и Томур Давадат совместно говорили о необходимости стабильности и единства в национальных отношениях в регионе, которые были названы просто «в основном хорошими».97 Людям напомнили, что «не так давно что-то вредно для единства между народами и вредно для единства между армейскими людьми и людьми произошло и оказало неблагоприятное воздействие. , , мы должны остерегаться любых повторений и особенно подчеркивать взаимное уважение».

Проблемы среди деревенской молодежи в Синьцзяне были также предложены в различных сообщениях в Гонконге. «Гонконг таймс», например, утверждала, что в ноябре 70 000 шанхайских юношей в Аксу устроили демонстрацию и устроили сидячую забастовку в связи с отсутствием работы у них в своем муниципалитете.98 Газета сообщила, что это вызвало визит Ван Чжэня, который прилетел из Пекина и приказал принудительное подавление. Если это так, то такие события, которые, возможно, были связаны с апрельским инцидентом в Аксу, могут только усилить беспокойство режима в регионе. Пекин не может быть нечувствителен к недавней волне фундаменталистского исламского возрождения и событий в Иране и Афганистане. Китайское руководство должно быть очень осторожным, не допуская, чтобы иностранная или

местная идеология отвлекала его интересы национальной безопасности в регионе, столь же стратегическом и чувствительном, как Синьцзян.

Он также должен обеспечивать, чтобы социально-экономическое благосостояние людей развивалось с приемлемой скоростью. Важнейшим испытанием является балансировка этих требований. Одним из следствий недавних проблем в южной части Синьцзяна является то, что, по мнению неханьцев, если ханьское население не может поддерживать «чистоту в своей комнате», как оно может ожидать, что «весь дом будет в порядке».

Неоспорим тот факт, что по крайней мере до Культурной революции Синьцзянский ПСК внес значительный вклад в укрепление КПК и управления ханьцев. Это помогло создать условия для политической и социально-экономической переориентации региона на окончательную интеграцию *de novo* с новым китайским государством. ПСК служил эффективным каналом для крупномасштабных инвестиций в центральный капитал и рабочую силу в Синьцзяне, что способствовало первоначальной трансформации и последующей модернизации отсталой экономики региона. Это, несомненно, сыграло полезную роль в улучшении материальной жизни местного населения, прямо или косвенно. Это не означает, что все проблемы или потребности в этих областях были решены, а также не означает, что с точки зрения неханьских жителей не было никакой цены за эти достижения с точки зрения людских и природных ресурсов.

ПСК Синьцзяна также играл все более важную роль в обороне и безопасности, особенно после ухудшения китайско-советских отношений. Помимо создания базовой инфраструктуры, оказания материально-технической поддержки и внедрения рабочей силы Хан, легко вооруженные подразделения ПСК сыграли вспомогательную роль для войск НОАК. ПСК часто выполнял функции местной полиции и общественной безопасности и до тех пор, пока первое поколение неханьской молодежи, полностью воспитанной в соответствии с правилом КПК, составляло более надежный военизированный орган, чем подразделения ополченческого типа,

воспитанные среди коренных народов.

Изменения в ПСК, которые были начаты в период 1974-75 гг., привели к усилению контроля КПК над организацией и очевидному снижению роли и репутации военных. Хотя такие изменения, вероятно, были восприняты с энтузиазмом некоторыми офицерами, более заинтересованными в военных делах, среди других, вероятно, возникло чувство беспокойства по поводу потери влияния в столь важном органе. Можно предположить, что во многих районах деятельности оборонительный аппарат оставался тесно связанным с ПСК. Учитывая внешние и внутренние угрозы безопасности для региона, неудивительно, если ПСК в значительной степени вернется к военному контролю во времена напряженности или кризиса.

Однако по характеру его роли и состава было вполне естественно, что единственно слегка скрытые различия между фракциями или поколениями внутри ПКС и скрытое этническое соперничество между ним и местным населением можно было легко активировать или использовать во время беспорядков, например во время культурной революции. Характеристика того, чтобы быть ханьской организацией в неханьском пограничном регионе, характеристика, которая до недавнего времени разделялась самим КПК, была фактором, который постоянно влиял на эволюцию Синьцзянского ПСК.

2.2. Возрождение и деятельность СПСК в пореформенный период в англоязычной историографии (1981 г. – по н.в.)

Статус китайского правления в Синьцзяне после восстановления на посту Дэн Сяопина в Коммунистической партии Китая (КПК) в 1978 году демонстрировал многочисленные противоречивые тенденции. Водоворот, развязанный во время Культурной революции в Синьцзяне, подорвал легитимность и авторитет КПК, стимулировал явное сопротивление этнических меньшинств к проводимой ею «фьюжнистской» политике и оказался каталитическим в стимулировании внешнего давления вдоль

границ. Реакция КПК во время «межрегнумного» Хуа Гофэна (197) в 1976-78 годах заключалась в объединении усилий по укреплению ее ключевых инструментов интеграции и контроля - Народно-освободительной армии (НОА) и ханьской миграции. с частичным возвращением к риторике «постепенной», немедленной после освобождения эры партийной политики в отношении этнических меньшинств (1949-55 гг.). Более того, в этот период потенциальная советская угроза Синьцзяну еще раз способствовала объединению «модерация» и усиленная интеграция. Хотя конечная цель китайского государства по достижению интеграции Синьцзяна осталась нетронутой, тем не менее, он был поставлен под серьезную угрозу наследием бурных перипетий эпохи Мао Цзэдуна. Тем не менее, ключевое противоречие в руководстве КПК как во время, так и после маоистского периода, касалось не цели интеграции, а скорее стратегий, с помощью которых можно достичь этой цели, и интенсивности, с которой они должны были преследоваться.

Появившаяся эпоха денгизма оказалась бы ничем не отличной в отношении внутренних приемов и тактики правления в Синьцзяне. Однако в этот период государство попыталось использовать стратегический и «пограничный» характер Синьцзяна для усиления интеграции в отличие от подходов маоистской эпохи, которые стремились к изоляции региона.

Более того, «период 1978-91 гг., ретроспективно продемонстрировал начало ряда динамики как в Синьцзяне, так и в более широком центрально-азиатском регионе, что поставило под угрозу доминирование Китая и России над сердцем евразийского континента. Действительно, повторяющаяся тема наблюдений и сообщений о Синьцзяне в 1990-х годах заключалась в том, что взаимодействие внутренних дилемм китайского правления с проблемами новой независимой Центральной Азии сыграло важную роль в усилении волнений этнических меньшинств».

В этом документе утверждается, что переоценка и перестройка социально-экономических приоритетов КПК после отказа от маоистской

линии, а также последовавшие за этим идеологические нововведения привели к противоречивой динамике в Синьцзяне, что усилило потенциал для сближения внутренних волнений и внешнего вмешательства к концу 1980-х годов, закладывая основу для усиления оппозиции этнических меньшинств в течение 1990-х годов. Влияние постепенной «реформистской» повестки дня Дэна на подход КПК к этническим меньшинствам КНР было значительным, так как общий вопрос о маоистском наследии в конечном итоге привел к переоценке репутации партии в отношении «вопроса о национальности». Однако прогресс в реформировании политики этнических меньшинств не был однонаправленным, а подвергался ряду колебаний. Эти колебания в политике стали результатом сложного взаимодействия между различными темпами реформ, которые центральные и региональные власти считают необходимыми, и ощутимым воздействием конкретной политики на безопасность этого стратегического региона. Сближение внутренних волнений и внешнего вмешательства в китайском восприятии оставалось единственно возможной угрозой для государственной интеграционной цели в Синьцзяне в течение периода 1978-91 годов.

Важно отметить, что господство Дэн Сяопина в КПК также привело к переоценке и переориентации внешней политики КНР, что оказало значительное влияние на потенциал сближения этих тенденций. В этот период внешняя политика КНР характеризовалась взаимодействием внутренних императивов и динамикой, порожденной «стратегическим треугольником» СССР-США-КНР, инициированным ограниченным сближением Мао с Соединенными Штатами в 1972 году. В контексте Синьцзяна китайские отношения с Советским Союзом оставались первостепенное значение. Таким образом, целью статьи является выявление и анализ меняющихся императивов, лежащих в основе методов и тактики правления государства, и их связь с конечными целями государства в Синьцзяне в течение этой важной эпохи китайской истории.

Динамика, созданная появлением реформистской программы Дэн

Сяопина в Синьцзяне в этот период, иллюстрирует преемственность противоречия между прерогативами центрального руководства и императивами региональных властей. Это противоречие было функцией реакции или реакции основных политических действующих лиц в регионе - НОАК, Синьцзянского производственно-строительного корпуса, ханьских иммигрантов и этнических меньшинств - на директивы центральное правительство. Между тем, что центральное правительство хотело бы делать, и тем, что региональное правительство могло бы реально реализовать, было много различий. Эта конкретная тема стала очевидной во время пребывания Ван Фэна на посту председателя Синьцзян-Уйгурского автономного района в 1979-81 годах, поскольку его прерогативы по осуществлению реформистской повестки дня Пекина встречались с различной степенью оппозиция со стороны основных политических деятелей в регионе. Попытки Вана «исправить» Корпус путем переориентации кадров на новую реформистскую линию и реабилитации кадров.

Культурная революция привела к развитию интенсивной внутрипартийной борьбы. В течение 1979-80 гг. Ван Фэн реализовал план из восьми пунктов для сельскохозяйственной политики и инициировал пересмотр официально распущенного ПСК. В сельскохозяйственной политике была введена новая система «ответственности домохозяйств», разрешено восстановление приусадебных участков и разрешено членам общины выращивать скот для собственных нужд. Однако деколлективизация не была эквивалентна приватизации, поскольку земля не была возвращена в частную собственность. Скорее, коллектив сохранил право собственности на землю, и сельские жители сдали землю в аренду как домашние хозяйства, создавая таким образом крестьян как фактических арендаторов, а государство выступало в роли землевладельца. Эта «децентрализация» в домашнем хозяйстве «сигнализировала о решении государства изменить условия борьба за сбор урожая»¹⁴. Теперь крестьянское домашнее хозяйство имело первое требование к своему индивидуальному урожаю и могло

определить излишек после того, как оно передало государству определенную сумму в виде налогов и продаж (т.е. закупок).¹⁵ Примечательно, что хотя крестьяне могли теперь определять и распоряжаться своим излишком по своему усмотрению, государство все еще оставалось «претендентом» на крестьянский урожай¹⁶. Таким образом, «система ответственности» содержала экономические «каналы», через которые государство могло оказывать и распространять свою власть на деревни. Этот аспект реформы сельского хозяйства приобретет значение в ближайшее десятилетие в Синьцзяне, особенно в середине 1980-х годов, когда государство попыталось восстановить свой контроль над сельскими районами¹⁷. Обзор ПСК был сосредоточен на реабилитации кадров очищен во время культурной революции и восстановления различных материальных стимулов.¹⁸ Важно, что под руководством Вана Синьцзянский ПСК также пыталась продвинуть больше этнических меньшинств на руководящие должности, после того как после 1978 года вернулось к видимости более «постепенного» подход к «национальной политике». Тем не менее, необходимость демонтировать ключевые инструменты маоистской модели в Синьцзяне, воплощенной в повестке дня Вана, спровоцировала остаточную оппозицию как среди ханьских, так и среди этнических меньшинств. Основным фактором в этой оговорке о принятии новой линии в партийной политике, несомненно, явилось чувство самосохранения, поскольку многие осознавали, что сегодняшняя «правильная» идеологическая линия может быстро превратиться в завтрашний «уклонизм» или хуже. Более того, тотальное осуждение маоистской политики, которая якобы поддерживала китайское правление в Синьцзяне с 1949 года, могло также создать серьезные проблемы для легитимности партии¹⁹. В период 1978-80 годов также произошли серьезные изменения во внешнеполитической ориентации КНР, которая в значительной степени определялась Новые попытки нового руководства опираться на ограниченное китайско-американское сближение, достигнутое при Мао с визитами Генри Киссинджера в 1971 году и президента Ричарда

Никсона в 1972 году, с особым акцентом на использование большего китайско-американского вежливости для противодействия предполагаемому советскому «окружению» КНР. Два особенно тревожных события для Пекина в течение 1978 года - это маневры и попытки Советского Союза двум соседям Китая - Вьетнаму и Афганистану. Эскалация советской деятельности и интересов в обоих этих государствах, в случае успеха, позволит достичь цели Кремля по стратегическому окружению КНР просоветскими государствами от китайских границ на западе до Запада и до Индокитая на востоке. Более того, два ключевых внешних события в 1979 году послужили укреплению антисоветских императивов Китая и усложнили его правление в Синьцзяне. Первое событие, исламская революция в Иране в феврале 1979 года, угрожало КНР, поскольку оно представляло собой динамичное возрождение ислама как политической силы²⁰. Однако советское вторжение в Афганистан в декабре 1979 года представляло гораздо более непосредственную угрозу Центральному Китаю. Азиатские границы. Эти события усугубили чувство настоятельной необходимости в провинциальных и центральных органах власти стабилизировать и улучшить ситуацию в Синьцзяне. В частности, «оборонительная контратака» НОАК (т. Е. Вторжение) против Вьетнама 17 февраля 1979 года, последовавшая за месяцами китайско-вьетнамской напряженности вокруг Камбоджи, имела значительные последствия для безопасности и стратегические последствия, которые почти сразу ощущались в отдаленном Синьцзяне²¹. Китайцы Предполагалось, что их нападение на Вьетнам ускорит советский маневр в Синьцзяне, и поэтому они поставили префектуру Тачэн, недалеко от границы с Казахской ССР, под прямой контроль НОА в последние месяцы 1978 года. Китайские власти в Синьцзяне были дополнительно проиллюстрированы накануне нападения на Вьетнам с эвакуацией мирного населения из трех районов: Тачэн, Алтай и Или. Хотя предвиденное советское возмездие не осуществилось в ходе китайско-вьетнамского конфликта, который закончился 5 марта 1979 года, в Синьцзяне сохранялось повышенное

состояние боевой готовности. В свете возобновления китайско-советской напряженности Восточный Синьцзянский военный округ был создан для усиления защиты ядерной установки КНР в Лоп Норе, а также был установлен оборонительный периметр вокруг Урумчи. 23 Примечательно, что этот эпизод показал, что в китайском восприятии советская угроза не была однонаправленной, но также потенциально исходила от этнических меньшинств региона, учитывая возможность того, что Советы могут апеллировать к потенциальным этническим, культурным и религиозным связям между неханьским населением Синьцзян и народы Советской Средней Азии. Упомянутая выше эвакуация трех районов Или, Тачэн и Алтай была связана с возобновлением попыток укрепить «единство национальностей» и бороться с «плохими элементами» в Синьцзяне²⁴. Однако напряженность на советско-китайской границе сохранялась, причем советские и китайские власти сохранялись. столкновение войск в районе Тачэна в июле 1979 года.

Одновременно с этими внешними событиями, Ван Фэн продолжал сталкиваться с трудностями в реализации реформистской программы Пекина. Это было особенно сосредоточено на прогрессе реформы совхозов и подразделений СПСК, в то время как усиленная либерализация правил, регулирующих сельское хозяйство и животноводство, не дала немедленных результатов³⁷. Реализация программы нового руководства партии как в экономической, так и политической сферах привела к противоречивая динамика в Синьцзяне, когда различные жалобы иммигрантов ханьцев, этнических меньшинств и персонала КЦП сошлись в 1980 году. Особенно показательными в этом были реакции этнических меньшинств и большое количество ханьфаньской ханьской молодежи в Синьцзяне на прогресс новой реформистской линии. Казалось бы, именно темпы и масштабы «реформ» спровоцировали этническое меньшинство и гнев иммигрантов ханьцев. Тем не менее, последующие события должны были показать, что эта динамика также сопровождается продолжающейся обидой этнических меньшинств по

отношению как к китайскому государству, так и к ханьскому населению региона. Для этнических меньшинств ограниченная либерализация, проводимая партией с 1976 года, обещала многое, но на практике принесла мало результатов.

Поэтому основные проблемы, с которыми столкнулся Ван Фэн в связи с его назначением в Синьцзян - напряженность в отношениях с этническими меньшинствами хань, фракционность внутри КПК Синьцзяна, экономический застой и возобновившаяся советская угроза - в значительной степени не уменьшились после возвращения Ван Энмао в Синьцзян. Руководство Ван Энмао, однако, не стало свидетелем каких-либо серьезных изменений в общих контурах китайской политики. Как отмечалось выше, Ван Энмао продолжил «исправление» региональной партийной организации, расширил либерализацию сельскохозяйственной политики и поддержал умеренный подход партии к религиозным и культурным обычаям. Одним из основных отклонений от политики его предшественника во время пребывания в должности Ван Энмао (октябрь 1981-1985 гг.), который имел важные последствия для будущего региона, было воссоздание Синьцзянского ПСК 1 июня 1982 года. Решение о воссоздании ПСК, который был расформирован из-за фракционного конфликта Культурной революции в 1975 году, было обусловлено рядом соображений, которые в первую очередь касались эффективности интеграции. Решение о воссоздании Синьцзянского ПСК, принятое в ходе поездки по региону Дэн Сяопина в августе 1981 года, было принято Центральным комитетом КПК и Центральной военной комиссией.⁶⁵ Разъяснение Ван Энмао задач ПСК после его восстановления предполагает, что Дэн и другие высокопоставленные лидеры понимали, что Государственный интеграционный проект в Синьцзяне оказался на волоске. Около 1982 года Ван ПСК поставил перед собой четыре задачи: реализовать национальную политику партии и укрепить единство, управлять социалистическими экономическими предприятиями, защищать границы и укреплять партийное руководство.

Эти функции были в основном идентичны тем, которые возложил ПСК на свое учреждение в Синьцзяне после освобождения в 1949 году.⁶⁷ Важно, что еще одна центральная функция ПСК, которую власти не отметили, была в качестве канала и инструмента для поглощения ханьской миграции. То, что Ван не заметил этой конкретной функции, не означало, что она больше не считалась центральной для организации. Фактически, из его воссоздания власти определили, что эта функция снова стала важной. Тем не менее, спокойное утверждение Вана о том, что возрождение ПСК и его сопутствующих функций будет способствовать «единству» этнических групп региона, игнорировало недавние инциденты. Как отмечалось выше, ключевым элементом в возникновении беспорядков в регионе в 1980-81 годах была давняя напряженность вокруг вопроса о поселении хань в регионе, причем этнические меньшинства ясно выражали свое желание «изгнать Хитай!» в то время как неудовлетворенность среди ханьских переселенцев во время культурной революции также была очевидна. Очевидно, власти были неискренними. Необходимость восстановления функции поглощения Хань ПСК была обусловлена рядом соображений.

Китай, где избыток рабочей силы и перенаселенность были уже установленными проблемами. Несмотря на это, значительному количеству деревенских жителей Хань удалось вернуться в свои родные регионы, такие как Шанхай. После возрождения ПСК власти Синьцзяна фактически стремились не только привлечь новых ханьских поселенцев, но и убедить тех, кто уже уехал обратно.

Более того, Пекин рассматривал корпус с его административной организацией и квази-военной дисциплиной как идеальный институт для поглощения новых ханьских иммигрантов и значительного числа деревенских ханьцев, оставшихся в Синьцзяне. Экономические функции ПСК были также расширены, так что к 1983 году региональное правительство заявило, что корпус отвоевал 937 500 гектаров земли, построил 691 фабрику и управлял 170 совхозами. Более того, год спустя ПСК

составляла четверть стоимости. от общего производства региона.

Оставшийся трехлетний период второго пребывания Ван Энмао на посту первого секретаря ПСК Синьцзян и первого политического комиссара Синьцзянского военного округа стал свидетелем восстановления региональной экономики и стабилизации китайского контроля. Реформа правительства в области сельскохозяйственной и пастырской политики дала положительный эффект, существенно увеличив производство зерна и скота к 1985 году. Прогресс в промышленном секторе был не таким успешным, поскольку многие государственные предприятия характеризовались как неэффективные, убыточные и страдающие от несчастных случаев на производстве. Основным фактором, влияющим на скромные экономические показатели Синьцзяна в период с 1981 по 1985 год, было место региона в общегосударственной экономической стратегии Пекина. Шестой пятилетний план (1981-85 гг.), В основном связанный с Чжао Цзыяном, направлял правительственные инвестиции в восточные прибрежные провинции Китая, которые были близки к успешной экономике Восточной Азии⁷³. Эта стратегия положила начало процессу, который был ускорено седьмой пятилеткой (1986-90 гг.), согласно которой китайская экономика стала пространственно дифференцированной между восточным, центральным и западным регионами с соответствующей дифференциацией экономической «специализации».

Таким образом, Синьцзян получил минимальные государственные инвестиции, и роль региона в этой стратегии развития побережья должна была стать источником первичных ресурсов. Эта стратегия была прямо указана властям региона Генеральным секретарем КПК Ху Яобаном и премьер-министром Чжао Цзыяном во время их соответствующих поездок по Синьцзяну в мае и августе 1983 года. Одним из основных последствий этой прибрежной стратегии экономического развития было растущее экономическое неравенство между восточными и западные регионы страны. Как подчеркивали некоторые ученые, это оказало «дезинтегрирующее

воздействие» на национальную экономику, что побудило регионы, которые остались «вне цикла», такие как Синьцзян, рассмотреть и разработать свои собственные экономические стратегии.

Одновременно с визитами Ху Яобана и Чжао Цзяяна, о которых говорилось выше, была возобновлена трансграничная торговля с Советским Союзом, которая была облегчена между южным Синьцзяном и Пакистаном и Афганистаном благодаря открытию Карахорумского шоссе. В следующем году Ван Эньмао призвал к иностранным инвестициям в Синьцзяне, отметив исторические отношения Китая с мусульманскими землями на западе, и первая в Китае мусульманская акционерная компания была также основана в Урумчи. По словам Кристофферсона, это можно рассматривать как начало развития в Синьцзяне. того, что китайские экономисты называли «великими международными кругами», которые изначально планировались в контексте стратегии развития прибрежных районов. «Экономический круг» был определен как «региональный блок, связывающий пограничный регион с сопредельными государствами для целей торговли». и экономическое развитие ", и прибрежная стратегия Пекина подтолкнула к" оборонительному "развитию регионального экономического круга с участием Синьцзяна⁸⁰. «Великий исламский круг», как его называли, развивался, на что ссылается тот факт, что двусторонняя торговля между Синьцзяном и Советским Союзом к 1985 году стоила около 1,8 млрд. долл. США. Ориентированная на побережье стратегия экономического развития Таким образом, развитие, являющееся основой шестой и седьмой пятилеток, сыграло важную роль в формировании, хотя и неоперившегося поворота Синьцзяна, в сторону Центральной Азии. Кроме того, это развитие также имело решающее значение в появлении экономической стратегии "двойного открытия", которая развивалась в течение оставшихся лет десятилетия, которая стремилась одновременно интегрировать Синьцзян с внутренней и центральной азиатской экономикой.⁸² Важно, что это открытие " Великий исламский круг "также открыл регион, и особенно основные южные оазисы

Кашгара и Хотана, культурному и религиозному влиянию Пакистана, которое приобретет большое значение в ближайшее десятилетие. В частности, Робертс утверждает, что «учитывая довольно ограниченный характер челночной торговли с Пакистаном», самое значительное влияние Пакистана на Синьцзян было через их «образование мулл и имамов Синьцзяна» в пакистанских медресе.

После того, как Сун Ханьян в октябре 1985 года сменил Ван Энмао на посту первого секретаря Синьцзянской КПК и первого политического комиссара военного округа Синьцзян, экономические, межэтнические отношения и ситуация в области безопасности в регионе стабилизировались. Тем не менее, эта стабилизация, подкрепленная реализацией программы «реформ» Дэн Сяопина, имела потенциально противоречивую динамику для конечной цели государства по интеграции региона. Сотрудничество Китая и активное участие в тайной войне против Советского Союза в США, спонсируемой США, позволили реализовать давнишний страх правительства перед развитием трансграничных связей между этническими меньшинствами Синьцзяна и этнически родственными народами в Центральной Азии. В сочетании с этим запутанным внешнеполитическим курсом программа экономических реформ Дэн Сяопина также подтолкнула к динамике, казалось бы, противоречащей цели интеграции. Реализация стратегии экономического развития, ориентированной на побережье, которая требовала подчинения экономики Синьцзяна (и других западных и центральных провинций) потребностям восточных провинций, привела к разработке экономической стратегии, ориентированной на внешний мир. Более того, развитие трансграничных торгово-экономических связей также повлекло за собой противоречивые последствия для государства. Хотя эти связи будут способствовать экономическому развитию региона, они также приведут этнические меньшинства Синьцзяна к более тесным контактам с преимущественно мусульманскими обществами советской Центральной Азии. Что касается «вопроса о национальности», партия вернулась к

терпимости и поощрению религиозных и культурных обычаев этнических меньшинств. Одновременно, однако, этнические меньшинства были предупреждены о том, что партия четко разграничит "легальную" и "незаконную" религиозную деятельность. Хотя эти противоречия, возможно, не были полностью разработаны к 1985 году, они, тем не менее, содержали скрытые угрозы не только безопасности региона (по мнению Пекина), но и прогрессу политической и экономической интеграции Синьцзяна. Тем не менее, следует отметить, что государственные инструменты интеграции в Синьцзяне, в первую очередь РСС и ханьская иммиграция, были усилены и усилены за тот же период. Похоже, что партия приступила к смешанной стратегии, характеризующейся предоставлением определенных социально-экономических привилегий населению Синьцзяна, подкрепленных неослабевающей решимостью интегрироваться. Неотъемлемое противоречие между государственной целью интеграции и проявлениями социально-экономической экстерналии, вытекающими из новой стратегии экономического развития государства, сыграет важную роль в развитии оппозиции этнических меньшинств в предстоящий период 1985-1991 годов.

Новая региональная администрация продолжала проводить ориентированную на реформу социально-экономическую политику, которая позволила Ван Энмао стабилизировать регион в период между 1981 и 1985 годами. Однако, как указывалось выше, более широкие свободы в экономической и культурной сферах создавали скрытую угрозу для цели государства по интеграции. регион. По сути, эти потенциальные угрозы для интеграционного проекта проистекают из воздействия реформ на ориентацию как конкретных местностей, так и региона в целом. Как правильно заметил Рудельсон, например, установление китайского правления, особенно в коммунистическую эпоху, было сосредоточено на изоляции Синьцзяна от внешних влияний и ориентации региона «внутри» к собственно Китаю.⁸⁴ Кроме того, он утверждает, что «географический Синьцзян» шаблон породил оси внешнего культурного влияния, которые

проникли в регион "и определил, что основные оазисы Синьцзяна были ориентированы не" внутрь "друг к другу, а" наружу "к ближайшим внешним цивилизациям, будь то индийская, центрально-азиатская или китайская. Действительно, история Синьцзяна после 1949 года, вероятно, была определена борьбой китайского государства за преодоление этих внешних ориентиров. Тем не менее, как мы увидим, политика, проводимая либо по инициативе Пекина, либо региональных властей в период 1981 г. Очевидно, что это имело последствия переориентации региона «наружу» на соседние регионы Советской Средней Азии и Южной Азии. Хотя цель этой политики, несомненно, заключалась в том, чтобы ограничить такие внешние ориентации экономическими и торговыми отношениями, «побочный эффект» расширения контактов нес возможность увеличения политической и культурной ориентации Синьцзяна на внешние влияния. Такой исход имел много precedентов в истории Синьцзяна - от политического и религиозного влияния Хокандского ханства во времена Цин до советского господства в Илийском регионе в 1940-х годах.

Как продемонстрирует оставшаяся часть десятилетия и 1990-х годов, эти precedенты будут подтверждены в Синьцзяне для создания динамики, которая скомпрометировала бы восходящие императивы государства в области экономического развития и безопасности в регионе. Отставка Ван Энмао в 1985 году также сопровождалась дальнейшими значительными кадровыми перестановками в региональной администрации и реструктуризацией Синьцзянского военного округа.

К концу 1985 года в Китае произошла волна стрессов, связанных с реформой. Несмотря на то, что социальные волнения / протесты в Синьцзяне имели место в период общественного брожения в государстве, протесты в Синьцзяне были спровоцированы исключительно региональными обидами и имели региональные последствия. Требования протестующих были сосредоточены на некоторых основных элементах государственной интеграционной программы в Синьцзяне. Например, требование заменить

ханьских чиновников кадрами этнических меньшинств повторило ожидания этнических меньшинств в начале 1980-х годов о том, что правительство выведет значительную часть ханьцев из региона. Более того, допрос губернатора Томура Давамата отразил вызов кооптированным элитам этнических меньшинств, на которые опиралась партия, чтобы помочь узаконить свое правление в регионе. Реакция правительства на эти вызовы состояла в том, чтобы в основном игнорировать эти требования, сосредоточенные на выдающихся стратегических прерогативах государства и безопасности (например, ядерном объекте Лопнор) и политическом доминировании региональной администрации Ханом. Тем не менее, в отношении тех требований, которые, как считалось, не угрожают напрямую этим политическим императивам безопасности, определенные степени компромисса считались допустимыми, такие как проявления культурной самобытности или представительства. Например, власти разрешили разработать и расширить журналы и газеты на уйгурском языке, чтобы к 1986 году в одном только Урумчи было опубликовано двенадцать изданий. В экономическом отношении в 1985-86 годах было подтверждено государственное регулирование экономической деятельности в регионе. сельскохозяйственное население. Внедрение системы «ответственности домашних хозяйств» в Синьцзяне, как и в других местах в Китае, привело к значительному увеличению сельскохозяйственного производства, но к 1985-86 гг. Оно также породило некоторые проблемы, которые социализм частично смягчил. Например, между 1978 и 1984 гг. стоимость сельскохозяйственной продукции выросла в три раза по сравнению с темпами, достигнутыми за период с 1957 по 1978. Можно также увидеть успех реформы сельскохозяйственной политики в Синьцзяне, где средний доход крестьян на душу населения к 1984 году составлял 363 юаня по сравнению с показателем 1978 года в 198 юаней¹⁰⁵. Однако наряду с этим впечатляющим ответом на политику реформ возникли проблемы. По всему Китаю растущее экономическое неравенство между крестьянами со

ссылками на «новых богатых крестьян» с доходами в 10 000 юаней в год приводило к возможности возврата к стратификации сельского хозяйства Китая до 1949 года. «Новые богатые крестьяне», однако, в отличие от помещиков до 1949 года, получали доход не от аренды земли, а от побочной коммерческой деятельности¹⁰⁶. Ситуация в Синьцзяне соответствовала этой общей тенденции: крестьяне не получали дополнительного дохода за счет сельскохозяйственной деятельности, но через ремесла и другую «специализацию домашних хозяйств», поощряемую правительством⁴⁴. По сути, Беллер-Ханн утверждает, что крестьяне в южном Синьцзяне не рассматривали сельское хозяйство как приносящую доход деятельность.¹⁰⁸ Кроме того, к 1985-86 гг. сельскохозяйственное производство начало плато, предполагая, что прирост производительности труда в сельском хозяйстве в течение периода 1978-84 гг. был «разовым», а не предвестником перехода к более высокой тенденции роста.¹⁰⁹ Сочетание плато в росте сельского хозяйства и возникающих Проблема большего экономического неравенства среди крестьянства сыграла роль в том, что Келлихер назвал аграрной «негативной реакцией» государства на 1985 год. Союзник, «освободивший» крестьянские хозяйства от коллективного и государственного контроля, в результате реформ, начатых под руководством Дэн Сяопина, «система ответственности» к середине 1980-х годов повлекла за собой ряд значительных обязательств, которые перед крестьянами были перед государством. Нолан, например, отмечает, что к середине 1980-х годов партия на местном уровне была далеко не отделена от управления экономикой. Партия все еще обладала рядом важных экономических каналов, через которые она могла бы осуществлять власть на уровне деревень. - распределение квот на покупку зерна, администрирование политики планирования семьи, распределение лицензий на ведение бизнеса и предоставление технологических ресурсов, таких как удобрения и нефть. В

⁴⁴ Clarke, M.E. Xinjiang in the «Reform Era», 1978-91: The Political and Economic Dynamics of Dengist Integration // Issues & Studies. 2007. № 2 (43). P. 39-92.

контексте Синьцзяна Беллер-Ханн определил ряд крестьянских обязательств перед государством, которые отражало общее подтверждение партийного влияния и контроля над крестьянством, таких как обязательство выращивать промышленную культуру (обычно хлопчатник), обязательные закупки зерна государством и навязывание политики планирования семьи. Поэтому, хотя реформы помогли экономическому развитию в Синьцзяне и первоначально ослабило контроль государства над экономической деятельностью крестьянства, в 1985-87 годах произошел предоставление прерогатив государства в сельском секторе. Политическая ферментация того же периода, как по всему Китаю, так и в Синьцзяне, несомненно, способствовала тому, что государству необходимо сузить возможности для самостоятельного принятия экономических решений и политической мобилизации.

Этот период также стал свидетелем дальнейшего развития промышленного сектора Синьцзяна и увеличения внешней торговли и инвестиций. Важной частью этого было разведка и разработка углеводородных ресурсов Синьцзяна, которые до периода реформ были недостаточно использованы. Эти открытия приобрели большую значимость с допуском Государственной комиссии по планированию. в конце 1986 года Китай больше не будет самодостаточным в нефти. В центре внимания энергетической политики Китая теперь должно было быть одновременное освоение внутренних резервов и диверсификация иностранных источников. Китайско-советской торговле способствовали переговоры между Синьцзянской импортно-экспортной торговой компанией и Восток Синьцзянинтор, что привело к ежегодным торговым ярмаркам. Чередование между Урумчи и Советской Центральной Азией. Улучшение отношений с Советским Союзом также стало очевидным после открытия советских консульств в Синьцзяне и создания китайских консульств в смежных советских республиках Центральной Азии. Напряженность на китайско-советской границе Однако в 1986 году продолжился изолированный инцидент между советскими войсками и войсками НОАК в «отдаленной

пограничной зоне Синьцзяна» 11. Тем не менее, такие инциденты не позволили сорвать дальнейшее развитие более тесных китайско-советских экономических отношений. Министр иностранных дел Казахстана в ходе визита в Синьцзян в августе 1987 года предложил дальнейшее расширение экономического сотрудничества между Синьцзяном и Центральной Азией. Более того, в октябре 1987 года советские и синьцзянские власти начали переговоры о совместной разработке двадцати девяти сельскохозяйственных и промышленных проектов в Синьцзяне. Рост внешней торговли Синьцзяна, вызванный этими событиями, можно увидеть в том, что общая стоимость внешняя торговля, в основном с Советской Центральной Азией, к 1987 году выросла до 250 миллионов долларов США с 17,1 миллиона долларов США в 1980 году ⁴⁵. Последующий период 1988-91 годов в Синьцзяне характеризовался экономическим кризисом и растущими социальными и политическими волнениями, которые стали результатом сближения противоречивой динамики, присущей правительственной стратегии экономического развития и подходу к этническим меньшинствам региона. Кроме того, в этот период также наблюдалось усиление влияния внешних событий в Синьцзяне, в основном происходящих из советской Центральной Азии. Следует напомнить, что шестой и седьмой пятилетние планы в основном сводили Синьцзян к обеспечению первичными ресурсами прибрежных районов, и это, в свою очередь, сыграло важную роль в побуждении региональных властей переориентировать экономику Синьцзяна на «внешнюю» сторону. определенная степень. К 1988 году эта тенденция, проявившаяся в ряде периферийных провинций, таких как Синьцзян, привела к «регионализации» национальной экономики. Это побудило центральное правительство умолять региональные власти учитывать «интересы нации» при реализации макроэкономической политики правительства. Усугубление этой проблемы, особенно пагубное, учитывая акцент на передовые отрасли

⁴⁵ Mackerras, C. Xinjiang and Central Asia since 1990: views from Beijing and Washington and Sino-American Relations // China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century. The Taylor & Francis e-Library, - 2009. С. 133-151.

промышленности в прибрежных провинциях, привело к разрыву между спросом на энергию и производство. Промышленный рост Китая в период между 1980 и 1988 годами составлял в среднем от 12 до 14 процентов, в то время как увеличение поставок энергоносителей в среднем составляло всего 4 процента, что ускоряло энергетический кризис. Масштабы этой проблемы иллюстрируются тем фактом, что во второй половине 1988 года многочисленные государственным предприятиям приходилось работать только с двухдневным снабжением энергией¹²⁴. Кроме того, китайская экономика страдала от инфляции цен на заработную плату, растущего потребительского спроса, а также официальной коррупции и чрезмерных инвестиций в капитальное строительство¹²⁵. Поэтому в сентябре 1988 г. центральное правительство инициировало политику сокращения расходов, рецентрализации экономической власти для регулирования спроса, стабилизации роста и инфляции и восстановления нормативных требований центра.

В соответствии со своей необходимостью восстановить макроэкономический контроль центральное правительство также предоставило другим провинциям, в дополнение к тем, которые граничат с советской границей, разрешение на торговлю с Советским Союзом, создав тем самым три уровня торговли - межгосударственную границу и региональная торговля. Открытие советской торговли во всех провинциях можно рассматривать как попытку распространить политику открытости Китая на экономику в целом. Важность этой меры для интеграционных императивов центрального правительства становится ясной, если вспомнить, что, например, Синьцзян начал интегрироваться с Советским Союзом, чтобы стать частью "великого исламского круга", не создавая аналогичную интеграцию с внутренней экономикой Китая. ¹²⁷ Акцент центрального правительства на восстановлении контроля над макроэкономической политикой получил дальнейшее развитие в 1989 году путем разработки восьмого пятилетнего плана (1990-1994 годы), в соответствии с которым

экономическому развитию Синьцзяна был отдан приоритет. Впоследствии центральное правительство объявило, что оно построит нефтехимический завод на 600 миллионов долларов США на нефтяном месторождении Синьцзян в Душанзе, отметив, что роль Синьцзяна в стратегии экономического развития была «повышена» от поставщика первичных ресурсов.¹²⁸ Это, несомненно, было многое связано с дальнейшими открытиями нефти в бассейне Тарима, примерно в 400 км к югу от Корлы в середине 1989 года. Вскоре после того, как Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) направила около 10 000 рабочих в Синьцзян для разработки потенциальных запасов энергии Тарима. Год также увидел увеличение государственных инвестиций и помощи Синьцзян. Известные проекты включали в себя строительство электростанции в Манасе, развитие производства полиэфира на нефтехимическом заводе в Урумчи и «Проект по производству этила в Душанзе» с общими инвестициями в 2,575 млрд. Юаней⁴⁶.

Синьцзян испытал «новые социальные и политические волнения в период 1988-91 гг., который отражал растущие националистические настроения этнических меньшинств региона. Уйгуры и казахи провели демонстрацию в Урумчи в июне 1988 года против публикации книги «Белый дом на расстоянии», в которой, как они утверждали, содержались расовые оскорбления против них. Случай беспорядков среди этнических меньшинств в 1980-х годах произошел в период с мая по июнь 1989 года одновременно с протестами студентов в Пекине. Это и последующий арест нескольких уйгурских протестующих», отмечает Д. Ананд, «не только контрастировали с снисходительной реакцией государства на одновременные акции протеста Хуэй в других частях Китая, но также усилили впечатление, что власти по-прежнему находятся на грани беспорядков и политической мобилизации в

⁴⁶ Becquelin, N. Staged development in Xinjiang // Cambridge University Press: The China quarterly. - 2004. P. 358-378. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=7559821>

Синьцзяне»⁴⁷.

Общее положение региональных властей существенно изменилось с середины 1980-х годов, когда партия подчеркивала необходимость «решительно бороться» с проявлениями «разобщенности». Такая ориентация не сулит ничего хорошего для дальнейшего прогресса в смягчении политики «национальности» в Синьцзяне в следующем году. Возможно, столь же значимым в этом отношении было восприятие властями влияния внешних воздействий на внутреннюю ситуацию в Синьцзяне. К 1990 году этнические националистические движения развернулись в различных частях Советского Союза, в том числе в соседних республиках Центральной Азии, и победа моджахедов в Афганистане открыла возможность проникновения аналогичной политико-идеологической динамики в Синьцзян. Возможность пантюркистского обновления в Центральной Азии и Синьцзяне стала восприниматься китайцами как угроза своему положению в Синьцзяне, сравнимая с позицией явно вдохновленного исламом движения.

Новое десятилетие не началось благоприятно для регионального правительства Синьцзяна. Как мы уже видели, региональные власти все чаще связывают внутренние беспорядки с внешними влияниями после беспорядков 1989 года. Однако мартовское подавление правительством «незаконной» религиозной и политической деятельности в марте 1990 года в сочетании с нестабильностью в соседних регионах советской Центральной Азии ускорило крупнейшую вспышку этнических меньшинств и антиханьские волнения в Синьцзяне со времен культурной революции. Крупнейший инцидент и очевидный катализатор для волнения, произошедшего в городе Барен в округе Акто Кыргызской автономной префектуры Кизилсу возле Кашгара.

Беспорядки в апреле 1990 года, таким образом, послужили укреплению основных представлений государства об основных угрозах

⁴⁷ Anand, D. Colonization with Chinese characteristics: politics of (in) security in Xinjiang and Tibet. // Carfax Publishing Ltd.: Central Asian survey. - 2019. P. 129-147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38744469>

продолжающемуся правлению Китая в регионе - политизации ислама в Синьцзяне и проникновении внешних влияний. Общая стратегия, направленная на борьбу с развитием этих тенденций, была, по сути, изменением политики, проводимой в период непосредственно после освобождения, хотя и с большим упором на государственный контроль за религией. Однако больший упор на государственный контроль сочетался с дальнейшими усилиями по содействию экономическому развитию региона. Однако это, в свою очередь, создало дополнительные проблемы для региональных властей в управлении деликатными отношениями между этническими меньшинствами и ханьцами в Синьцзяне. В месяцы после восстания в Барене также наблюдался рост миграции Хана в Синьцзян, когда правительство увеличило инвестиции в различные проекты развития в регионе, привлекающие как Хана, официально санкционированного и незаконного.¹⁷⁵ Согласно данным переписи 1990 года, 5 695 626 ханьцев по сравнению с 7 194 675 уйгурами, что составляет 37,5% и 47% от общей численности населения региона.¹⁷⁶ Однако после того, как эти цифры разбиты по префектурам, становится ясно, что Хань доминировал над населением ключевых промышленных центров, таких как Урумчи, Хами и нефтяные города Карамай и Шихези. Эта тенденция будет продолжаться в последующее десятилетие, что приведет к обвинениям этнических меньшинств в том, что экономическая стратегия правительства принесла пользу только ханьцам. Эта тенденция будет вызвана в большей степени экономическими возможностями, создаваемыми увеличением государственных инвестиций в Синьцзяне, чем государственными идеологическими кампаниями, как в эпоху маоизма. Государственный интеграционный проект к началу 1990-х годов был подкреплен вызовами, вызванными Советским Союзом в 1980-х годах, и появлением волнений среди этнических меньшинств. Однако задача была неполной и чреватой противоречиями, поскольку власти пытались сбалансировать экономические императивы эпохи реформ с последствиями для безопасности, которые

вытекали из большей открытости для Центральной Азии. Более того, как мы уже видели, попытки государства успокоить настроения этнических меньшинств на протяжении 1980-х годов, позволив большую свободу в сфере религиозного и культурного самовыражения, имели в государстве «обратный эффект» в апреле 1990 года. Эти события усилили китайское восприятие относительно уровень угрозы постоянному контролю над регионом, обусловленный конгруэнцией внутренней нестабильности и внешних воздействий. Хотя происхождение этих внешних влияний оставалось таким же, как и в период маоизма (т.е. через западную границу), их форма резко изменилась. Советское государство больше не являлось угрозой для Синьцзяна, но растущий поток этнического национализма в входящих в него республиках, в том числе в центрально-азиатских республиках, представлял собой возникающую угрозу для региона. Фактически, в 1990 году возникли и распространились пантюркские и исламские политические партии и организации в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Кыргызстане.¹⁷⁸ С распадом Советского Союза в период с августа по октябрь 1991 года и последующей независимостью Центрального В азиатских республиках эта динамика набирала обороты и грозила перетечь в Синьцзян⁴⁸.

Таким образом, китайское правление Синьцзяна в период 1978-1991 годов продемонстрировало ряд ключевых элементов или тем преемственности и трансформации в отношении стратегий, методов и тактик правления, используемых государством для достижения своей главной цели интеграции. Центральной дилеммой для КПК после «мирного освобождения» Синьцзяна в 1949 году было то, как лучше всего содействовать интеграции региона в китайское государство. Этот вопрос, как мы видели, не был решен к концу маоистской эпохи. Фактически, различные колебания и турбулентность, которые характеризовали китайскую политику в Синьцзяне в эпоху маоизма, к рассвету господства Дэн Сяопина привели к

⁴⁸ Dillon, M. Xinjiang - China's Muslim Far Northwest. // L. Routledge Curzon. 2004. 201 p.

сомнению обоснования, лежащего в основе китайского правления. Однако государственная цель интеграции, независимо от турбулентности маоистской эпохи, оставалась прочно укоренившейся в восприятии руководства после Мао как не только правильного нормативного курса действий, но и единственно возможного направления китайского правления в Синьцзяне. Хотя руководство КПК после смерти Мао в конечном итоге переоценило основные принципы маоистского политического, экономического и социального порядка, на практике оно подтвердило императивность государства по интеграции Синьцзяна. Таким образом, как мы видели, денгистская программа реформ в Синьцзяне, особенно в период 1978-82 гг., вызвала социальные беспорядки в качестве основных политических "действующих лиц" в регионе - этнических меньшинств, ханьских поселенцев, ПСК и НОАК - ответил на новую динамику, исходящую из Пекина. Этот период волнений в Синьцзяне был явным вызовом новому центральному руководству в Пекине во многих отношениях, не в последнюю очередь потому, что основные столпы китайского правления в регионе - КПК Синьцзян и НОАК - отрицательно отреагировали на стремление свести на нет влияние маоистов. Более того, власти, явно критикуя политику, проводимую в поздний маоистский период, в конечном итоге подняли вопросы относительно легитимности китайского правления в Синьцзяне в восприятии этнических меньшинств. Политика, проводимая в период 1978-82 гг., ставила под сомнение обоснование, лежащее в основе китайского правления, то есть оно явно ставило под сомнение и подрывало маоистские методы и тактику правления, на которых основывалась политическая власть Китая с тех пор, как НОАК «освободила» регион в Октябрь 1949 года. Эта динамика, должно быть, была очевидна для центральных властей, поскольку политика, проводимая после беспорядков в 1981-1982 годах под региональным руководством Ван Энмао, вернулась к общим темам и контурам политики консолидации, проводимой в начале 1950-х годов. Как отмечалось ранее, это возвращение к основным методам и тактике правления

1950-х годов было не случайным, а было обусловлено характером проблем, связанных с продолжением китайского правления в Синьцзяне в период непосредственно после Мао.

Задачи, стоящие перед властями в начале 1980-х годов, были в основном связаны с восстановлением политической легитимности КПК. Это потребовало от властей воссоздать или возродить конкретные методы и тактики правления, которые позволили бы представлять и выражать этническое меньшинство в политическом, социально-экономическом и культурном разнообразии. То есть, похоже, что оно основано на предпосылке, что предоставление определенного количества политического пространства этническим меньшинствам региона будет способствовать восстановлению легитимности КПК в Синьцзяне. Под руководством Ван Энмао КПК в Синьцзяне проводила политику, напоминающую эру «единого фронта», в которой акцент был сделан на обучение и развитие кадров этнических меньшинств, а также терпимость и поощрение религиозных и культурных практик этнических меньшинств. Кроме того, в период с 1981 по 85 годы Вана возобновил свою деятельность и возродил экономику региона путем осуществления деколлективизации сельского хозяйства и увеличения инвестиций в региональные органы власти. Место Синьцзяна в китайской экономике также претерпело важные преобразования из-за приоритетов центрального правительства в этот период. Под рубрикой Шестой пятилетки (1981-1985 гг.) Инвестиции центрального правительства направлялись в восточные прибрежные провинции Китая, тем самым ускоряя пространственную дифференциацию экономики Китая между восточными, центральными и западными регионами. Эта стратегия экономического развития побудила забытые регионы, такие как Синьцзян, разработать собственную стратегию экономического развития. К 1985 году Синьцзян предпринял предварительное открытие для экономики советской Центральной Азии, что несколько противоречило интеграционным

императивам государства⁴⁹.

Однако это расхождение с темами маоистской эпохи сопровождалось повторным оживлением двух ключевых инструментов китайского правления в Синьцзяне - Синьцзянского КПК и ханьской миграции - что было символом маоистского периода. Таким образом, переоценка методов и тактики правления и последующая «умеренность» политики, вытекающая из этого, сопровождалась новым акцентом на основные инструменты интеграции. Однако в период 1985–1991 годов сочетание этого стратегического «отступления» от маоистской модели с усиленными инструментами интеграции породило ряд противоречивых тенденций в регионе, которые в конечном итоге достигли апогея в начале 1990-х годов. Развитие более широких контактов между Синьцзяном и сопредельными регионами советской Центральной Азии, которые были следствием внешней экономической стратегии властей и ослабления религиозных и культурных ограничений, потенциально могло противодействовать интеграционным императивам государства. Этот процесс угрожал оживить исторические связи между Синьцзяном и Центральной Азией, которые в прошлом видели определенные районы Синьцзяна, ориентированные «наружу» на ближайшие внешние цивилизации. Умеренность партии своими ограничениями на религиозные и культурные практики этнических меньшинств в сочетании с расширением контактов на советско-китайской границе привела к возрождению религиозных практик, которые часто имели место за пределами установленных государством параметров. Как показали последние разделы этого документа, эта динамика сходилась начиная с 1986 года и привела к более сильному выражению идентичности этнического меньшинства, чем это наблюдалось в Синьцзяне с момента его «мирного освобождения» в 1949 году. Основная дилемма для китайских властей из 1986 год и далее должен был сохранить тонкий баланс между большими религиозными и

⁴⁹ Chaudhuri, D. A survey of the economic situation in Xinjiang and its role in the twenty-first century // Sage Publications: China report. - 2005. P. 1-28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11464046>

культурными свободами, которые они воспринимали как способствующие социальной стабильности, и основными инструментами интеграции - ханьской миграцией, РСС и экономическим развитием - которые лежали в основе продолжающегося ханьского господства Синьцзян. Социальные волнения в конце 1980-х годов и взрыв яростного сопротивления этнических меньшинств китайскому правлению в апреле 1990 года показали, что власти не предвидели врожденных противоречий между двумя основными аспектами их стратегии в регионе. Кроме того, беспорядки в апреле 1990 года также выдвинули на первый план возникновение трансграничных связей, которые были неактивными или отмененными в течение маоистского периода. Таким образом, китайское правление Синьцзяна в начале нового десятилетия было ненадежно сбалансировано. Эта ситуация должна была еще больше осложниться в конце 1991 года с распадом Советского государства, что должно было иметь широкие последствия для китайского правления в Синьцзяне. Таким образом, интеграционные императивы государства в предстоящее десятилетие будут по-прежнему сдерживаться внешней и внутренней динамикой, которая, как и в прошлом, часто сходилась, образуя всеобъемлющий политико-идеологический вызов легитимности китайского правления в Синьцзяне.

Заключение

Неоспорим тот факт, что по крайней мере до Культурной революции Синьцзянский ПСК внес значительный вклад в укрепление КПК и управления ханьцев. Это помогло создать условия для политической и социально-экономической переориентации региона на окончательную интеграцию с новым китайским государством. ПСК служил эффективным каналом для крупномасштабных инвестиций в центральный капитал и рабочую силу в Синьцзяне, что способствовало первоначальной трансформации и последующей модернизации отсталой экономики региона. Это, несомненно, сыграло полезную роль в улучшении материальной жизни местного населения, прямо или косвенно. Это не означает, что все проблемы или потребности в этих областях были решены, а также не означает, что с точки зрения неханьских жителей не было никакой цены за эти достижения с точки зрения людских и природных ресурсов.

ПСК Синьцзяна также играл все более важную роль в обороне и безопасности, особенно после ухудшения китайско-советских отношений. Помимо создания базовой инфраструктуры, оказания материально-технической поддержки и внедрения рабочей силы ханьцев, легко вооруженные подразделения ПСК сыграли вспомогательную роль для войск НОАК. ПСК часто выполнял функции местной полиции и общественной безопасности и до тех пор, пока первое поколение неханьской молодежи, полностью воспитанной в соответствии с правилом КПК, составляло более надежный военизированный орган, чем подразделения ополченческого типа, воспитанные среди коренных народов.

Изменения в ПСК, которые были начаты в период 1974-75 гг., привели к усилению контроля КПК над организацией и очевидному снижению роли и репутации военных. Хотя такие изменения, вероятно, были восприняты с энтузиазмом некоторыми офицерами, более заинтересованными в военных делах, среди других, вероятно, возникло чувство беспокойства по поводу

потери влияния в столь важном органе. Можно предположить, что во многих районах деятельности оборонительный аппарат оставался тесно связанным с ПСК. Учитывая внешние и внутренние угрозы безопасности для региона, неудивительно, если ПСК в значительной степени вернется к военному контролю во времена напряженности или кризиса.

Однако по характеру его роли и состава было вполне естественно, что единственно слегка скрытые различия между фракциями или поколениями внутри ПКС и скрытое этническое соперничество между ним и местным населением можно было легко активировать или использовать во время беспорядков, например во время Культурной революции. Характеристика ханьской организации в неханьском пограничном регионе, которая до недавнего времени разделялась самим КПК, была фактором, который постоянно влиял на эволюцию Синьцзянского ПСК.

Китайское правление Синьцзяна в период 1978-1991 годов продемонстрировало ряд ключевых элементов или тем преемственности и трансформации в отношении стратегий, методов и тактик правления, используемых государством для достижения своей главной цели - интеграции.

В большинстве опубликованных научных материалов англоязычных авторов СПСК рассматривается в контексте межэтнических конфликтов в Синьцзяне. То есть чаще всего в них освящается политика центральной власти КНР по «китаизации» обширных западных земель, проблемы сепаратизма, экстремизма и терроризма, с которыми сталкивается КНР в лице уйгурских и других национальных меньшинств, населяющих территорию СУАР. Тем не менее существует ряд работ англоязычных исследователей, демонстрирующих даже в контексте изучения Синьцзяна комплексный подход к изучению СПСК. Все эти работы объединяет комплексный нетривиальный подход к исследованию ситуации в СУАР, довольно подробно рассматривается трансформация функций СПСК в эпоху

реформ и в пореформенный период, а также социально-экономические результаты деятельности Корпуса.

Комплексное изучение источниковой базы, в комплексе с литературой по теме исследования, дало автору данной диссертации возможность резюмировать о слабой изученности вопросов деятельности СПСК в англоязычной историографии, о превалировании однобокого взгляда англоязычных исследователей на ситуацию в регионе, за исключением нескольких упомянутых выше комплексных нетривиальных трудов, которые могут составить достойную базу для последующих исследований деятельности СПСК в СУАР. В данных работах, через комплексное исследование Корпуса – не только истории его создания как военизированной организации, являющейся инструментом проведения определенной политики центральной власти КНР, но и изучения выполняемых им социально-экономических функций, выражающихся в осуществлении множества масштабных сельскохозяйственных проектов и проектов гражданского строительства, представлена попытка преодоления укоренившегося в англоязычной историографии однобокого взгляда на деятельность Корпуса и оценки реального экономического эффекта для развития Синьцзян-Уйгурского автономного региона КНР. Данная попытка в перспективе может стать ключевым фактором в изменении устоявшихся в англоязычной историографии взглядов на предмет данного исследования.

К примеру, в написанной западным ученым Д.Х. МакМилленом статье «Xinjiang and the production and construction corps: a Han organization in a non-Han region» 1981 года он, будучи первым человеком на Западе, который приблизился к пониманию сложности истинного назначения Корпуса, дает подробное описание Корпуса с исторической точки зрения: содержания данного учреждения, пространственного расположения, институциональных характеристик. Вместе с тем, Д.Х. МакМиллен в своих работах акцентирует особенность состава Корпуса на ранней стадии его развития как показатель того, что миграция ханьцев в Корпус являлась принудительным актом, а не

добровольным патриотическим участием, и его целью является интеграция пограничных этнических меньшинств в новый Китай. Данные субъективные взгляды на факты серьезно повлияли на понимание и исследование Синьцзянского производственно-строительного корпуса другими европейскими и американскими учеными.

Однако впоследствии другими западными учеными, например Томасом Клиффом, опубликовавшим в 2009 году работу «Neo Oasis: The Xinjiang Bingtuan in the Twenty-first Century», описывается развитие Корпуса в контексте нового века, где у ПСК постепенно ослабляется милитаризованная функция. Развитие экономики и общества сделало ПСК как производственное предприятие более значительным и подвергло критике взгляды иностранных ученых на военную цель колониального назначения Корпуса в прошлом. В соответствии с этим можно сделать вывод, что именно в настоящее время происходит ломка стереотипов в части предубеждений против Корпуса у англоязычных исследователей и эволюция их взглядов на социально-экономическое значение деятельности СПСК в развитии СУАР.

Библиографический список

Источники

I. Источники на английском языке

1. Anand, D. Colonization with Chinese characteristics: politics of (in) security in Xinjiang and Tibet. // Carfax Publishing Ltd.: Central Asian survey. - 2019. P. 129-147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38744469>
2. Becquelin, N. Staged development in Xinjiang // Cambridge University Press: The China quarterly. - 2004. P. 358-378. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=7559821>
3. Becquelin, N. Xinjiang in the Nineties // The China Journal. 2000. №. 44. P. 65-90.
4. Bovingdon, G. The not-so-silent majority. Uyghur resistance to Han rule in Xinjiang // Sage Publications: Modern China, - 2002. С. 39-78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11352352>
5. Chaudhuri, D. A survey of the economic situation in Xinjiang and its role in the twenty-first century // Sage Publications: China report. - 2005. P. 1-28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11464046>
6. Clarke, M.E. Xinjiang and China's rise in Central Asia – a history [Электронный ресурс] / Griffith Asia Institute, Griffith University. - 2011. – 201 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28729150>
7. Clarke, M.E. Xinjiang in the «Reform Era», 1978-91: The Political and Economic Dynamics of Dengist Integration // Issues & Studies. 2007. № 2 (43). P. 39-92.
8. Cliff, T.M.J. Neo Oasis: The Xinjiang Bingtuan in the Twenty-first Century // Asian Studies Review. 2009. Vol.33. P. 83-106.
9. Cliff, T.M.J. Oil and water: being Han in Xinjiang // Chicago University Press, 2016. 280 p.

10. Dillon, M. Xinjiang - China's Muslim Far Northwest. // L. Routledge Curzon. 2004. 201 p.
11. Dreyer, J.T. Ethnicity and Economic Development in Xinjiang // Inner Asia. 2000. № 2. P. 137-154.
12. Kondapalli, S. Chinas armed forces in 1999 // Sage Publications: China report. 2001. P. 23-40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11463796>
13. Li Huaiyin. From revolution to modernization: the paradigmatic transition in Chinese historiography in the reform era // History and theory. - Middletown, 2010. № 3 (49). P. 336-360.
14. Mackerras, C. Xinjiang and Central Asia since 1990: views from Beijing and Washington and Sino-American Relations // China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century. The Taylor & Francis e-Library, - 2009. C. 133-151.
15. MacMillan, A. Xinjiang and Central Asia: Interdependency — not integration // China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century. The Taylor & Francis e-Library, - 2009. C. 94-115.
16. McMillen, D.H. Chinese Communist Power and Policy in Xinjiang, 1949-1977 // Boulder: Westview Press, 1979.
17. McMillen, D.H. The Urumqi Military Region: Defense and Security in China's West // Asian Survey, № 22 (8). – 1984. C. 705–729.
18. McMillen, D.H. Xinjiang and the production and construction corps: a Han organization in a non-Han region [Электронный ресурс] // The Australian National University: The Australian Journal of Chinese Affairs. 1981. №6. URL: <http://www.jstor.org/stable/2159052>
19. McMillen, D.H. Xinjiang and Wang Enmao: New Directions in Power, Policy, and Integration? // China Quarterly, № 99. – 1984. C. 569-593.
20. Millward, J.A. Historical Perspectives on Contemporary Xinjiang [Электронный ресурс]. doi.org/10.1163/146481700793647814

21. Millward J.A. Positioning Xinjiang in Eurasian and Chinese History: Differing visions of the «Silk Road» // China, Xinjiang and Central Asia: history, transition and crossborder interaction into the 21st century. The Taylor & Francis e-Library, - 2009. С. 55-75.
22. Narramore, T. Containing separatism? Control and resistance in China's Xinjiang Uyghur autonomous region // University of Tasmania. – 2015. P. 108-122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26799353>
23. Seymour, J. Xinjiang's Production and Construction Corps, and the Sinification of Eastern Turkestan // Inner Asia. 2000. № 2. P. 171–193.
24. Xinjiang China's Muslim Borderland / Ed by S.F. Starr. - NY Sharpe. - 2004. - 484 p.

II. Нормативно-правовые акты

25. Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (《中華人民共和國憲法》, 1982年12月4日) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm
26. Закон КНР о районной национальной автономии 1984 г. (1984年《中華人民共和國民族區域自治法》) [Электронный ресурс] URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-03/03/content_5004447.htm
27. Комиссия КПК по проверке СПСК (中共新疆生产建设兵团纪委监委) [Электронный ресурс]. URL: <http://bingtuan.12388.gov.cn/>
28. Некоторые вопросы современной экономической политики в сельской местности. ЦК КПК. 2 января 1983 г. (中共中央, 《当前农村经济政策的若干问题》, 1983年1月2日)
29. Положение о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории КНР от 7 июля 2007 г. (《宗教事务条例》已经

2004 年 7 月 7 日). [Электронный ресурс]. URL:

http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-09/07/content_5223282.htm

30. Протокол Национальной конференции по сельскому труду. ЦК КПК. 1 января 1982 г. (中共中央, 《全国农村工作会议纪要》, 1982 年 1 月 1 日)
31. Уведомление об усилении политического строительства в сельских районах. ЦК КПК и Государственный Совет. Сентябрь 1986 г. (中共中央、国务院, 《关于加强农村基层政权建设工作的通知》, 1986 年 9 月)

III. Статистические данные

32. Бюро статистики Синьцзян-Уйгурского автономного района (新疆维吾尔自治区统计局). [Электронный ресурс]. URL: <http://tjj.xjbt.gov.cn/>
33. Статистический ежегодник Китая за 2010 год. / Департамент социально-экономических исследований в сельских районах. Национальное бюро статистики. Пекин: China Statistics Press. - 2010 г. (国家统计局农村社会经济调查司.2010.中国农村统计年鉴-2010.北京:中国统计出版社)

IV. Официальные издания

34. Белая книга «История и развитие Синьцзянского производственно-строительного корпуса» (《新疆生产建设兵团的历史与发展》白皮书) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2014/Document/1382598/1382598.htm>
35. Белая книга по борьбе с терроризмом, экстремизмом и защитой прав человека в Синьцзяне (《新疆的反恐、去极端化斗争与人权保障》白皮书) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1649848/1649848.htm>
36. Материалы сайта Инспекционного комитета КПК по проверке дисциплины и Комитета по надзору за производственно-строительным

корпусом Синьцзяна (中共新疆生产建设兵团纪律检查委员会 新疆生产建设兵团监察委员会) [Электронный ресурс]. URL:

<http://bingtuan.12388.gov.cn/>

37. Статья «Мысли об укреплении культурного строительства Синьцзянского производственно-строительного корпуса» (新疆生产建设兵团电大毕业论文 关于加强新疆生产建设兵团文化建设的思考) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zglww.net/zglw/01752.html>

V. Материалы информационных агентств

38. CHINADAILY [Электронный ресурс]. URL: <http://global.chinadaily.com.cn/>.
39. ChinaPRO [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinapro.ru/>
40. CHINAXINJIANG.CN (Китай. Синьцзян) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.chinaxinjiang.cn/>
41. REGNUM (информационное агентство) [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/>
42. RIA НОВОСТИ [Электронный ресурс]. RIA НОВОСТИ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/>; <https://ria.ru/>
43. Russian.CHINA.ORG.CN [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2003-05/26/content_2072393.htm
44. RUSSIAN.NEWS.CN (Новости СИНЬХУА) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.xinhuanet.com>
45. Tencent (китайская телекоммуникационная компания) [Электронный ресурс]. URL: <https://news.qq.com/a/20190318/003770.htm>
46. Жэньминь жибао (русская версия) [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/>

Литература

I. Литература на русском языке

1. Александрова, М.В. Китай и Россия, особенности регионального экономического взаимоотношения в период реформ. / М.В. Александрова // М., Ин-т Дал. Востока РАН. - 2003. С. 179.
2. Баженова, Е.С. (совм. с Л.И. Кондрашовой) Социально-экономические и демографические аспекты освоения западных районов Китая на примере Синьцзяна // Китайская Народная Республика в 2002 г. М., - 2003. С. 116-126.
3. Буяров, Д.В. Синьцзянский производственно-строительный корпус в 2000-е гг. / Д.В. Буяров // Благовещенский государственный педагогический университет. - 2018. С. 344-349. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35531064>
4. Ван Чаолин, Савкович, Е.В. Формирование пояса развития в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в начале 2010-х гг. / Ван Чаолин // Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2018. №55. С. 94-99.
5. Гельбрас, В.Г. Китай. Чем недовольны уйгуры. / В.Г. Гельбрас // Российская академия наук. 2010. №6. С. 49-54.
6. Глазунов, Д.А. Политика памяти и решение этнических вопросов в Синьцзяне (конец 1970-х - начало 1980-х годов) // Алтайская школа политических исследований: Дневник алтайской школы политических исследований. Барнаул, - 2019. С. 41-44. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41223974>
7. Зотов, О.В. Восточный Туркестан (Синьцзян) – страна «латентного ислама» // Институт научной информации по общественным наукам РАН: Россия и мусульманский мир. М., – 2006. С. 153-165. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9235936>

8. Изимов Р. «Военизированные структуры Китая — кто контролирует границы СУАР» [Электронный ресурс] // Восточное бюро ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1807314.html>
9. Капицын В.М., Яо Ван. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика. / Капицын В.М. // Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2013. №3. С. 107-117.
10. Островский, А.В. (совм. с Е.С. Баженовой) Синьцзян от Турфана до Кашгара. Программа освоения западных районов в действии // Проблемы Дальнего Востока. М., 2006. №2. С. 89-99.
11. Пшенцов, П.С. Влияние экономического развития периферийного района на измерение социально-религиозной ситуации на примере СУАР КНР // Современные проблемы науки и образования (электронный журнал). 2007. № 5. С. 127-132. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=561>
12. Савельева, В.А., Роль Синьцзяна в развитии экономики КНР. / В.А. Савельева, В.С. Величко // Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2015. С. 116-117.
13. Савельева, В.А. Синьцзянский производственно-строительный корпус./ В.А. Савельева // Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2015. С. 121-122.
14. Сыроежкин, К.Л. XVIII Съезд Коммунистической Партии Китая: неокончательные итоги, неотложные задачи, неустойчивые компромиссы // SA&CC Press AB: Центральная Азия и Кавказ. 2013. С. 113-134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18930123>
15. Сыроежкин, К.Л. Что скрывается за аббревиатурой ПСК? // Континент. 2002. №11. С. 32–35.

II. Литература на иностранных языках

16. Gladney, D.C. Islam in China: accommodation or separatism? // Cambridge

University Press: The China quarterly. 2003. P. 451-467. URL:

<https://elibrary.ru/item.asp?id=6550304>

17. Madiyev D., Mukhametkhanuly N., Zhanymkhan O., Ardak Kaliolla. Xinjiang development strategy and socio-economic development of its border areas // CA&CC Press AB: Central Asia and the Caucasus, - 2019. P. 69-80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38511947>
18. Orenstein D.E., Jiang L., Hamburg S.P. An elephant in the planning room: political demography and its influence on sustainable land-use planning in drylands // Academic Press: Journal of arid environments. 2011. P. 596-611. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28591978>
19. Sautman, B. Scaling back minority rights?: the debate about China's ethnic policies // Stanford University: Stanford journal of international law. 2010. P. 51-120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17250623>
20. Tsultrim, T. Militarization of the Tibetan plateau and its significance // Институт востоковедения РАН: Института востоковедения РАН. Москва, - 2017. P. 130-159. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32671539>
21. Го Хунся. Реализация политики Коммунистической партии Китая в отношении автономии национальных районов на примере Синьцзяна и ее крупнейшие успехи // Общественные науки Синьцзяна. 2005. №5. С. 63-66.
22. Дай Цзянь, Фэн Яоцзу, Шань Нана, Фу Яньбо, Ли Пань, Ван Лэй. Сельскохозяйственные ресурсы и высокоэффективные технологии аграрного производства Синьцзяна // Киргизский национальный аграрный университет им. К.И. Скрябина. 2014. №3. С. 14-24.
23. Дзэн Вэнву. История управления Китаем западными областями (Zeng Wenwu. ZhongguojingyingXiyushi) [репринт издания 1936 года]. С. 25-30.
24. Дин Фэн, Ван Цзэюй, Ван Лэй, Чэнь Шухуан, Ма Сюэцин, Ван Синьюн. Исследование и применение технологии водосберегающего полива в синьцзянском сельском хозяйстве // Исследовательский институт экономии воды в сельском хозяйстве и удобрения почвы

Синьцзянской академии сельскохозяйственных наук. 2017. №2. С. 280-293.

25. Материалы по уйгурам Синьцзяна (Xinjiang Weiwu'erzi zhiq zongbianshi), 1986. С. 61–65.
26. Фан Инкай. История сельскохозяйственного освоения Синьцзяна // Урумчи, 1989. С. 38–181.
27. Яо Ван. Синьцзян-Уйгурский Автономный Район и политика КНР в контексте современных вызовов международной безопасности. 2015. С. 123.
28. Яцзюнь Бао. Синьцзянский производственно-строительный корпус: Взгляд изнутри (The Xinjiang Production and Construction Corps: An Insider's Perspective). 2018. №23. С. 2-16.

Выпускная магистерская диссертация выполнена мной совершенно самостоятельно. Все использованные в работе материалы и концепции из опубликованной научной литературы и других источников имеют ссылки на них.

«___» _____ 20__ г.

(подпись) (Ф.И.О)